

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№ 1

(ЯНВАРЬ-МАРТ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://moscow-science.online>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90666 от 29 января 2026 г.)

МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Ежеквартальный научный сетевой журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по гуманитарным, общественным наукам. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере гуманитарных и общественных наук.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://moscow-science.online>

E-mail: editor@mipo.online

WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научный журнал «Московский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• *Дорская Александра Андреевна*, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• *Мионов Василий Олегович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• *Усанов Владимир Евгеньевич*, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

• *Шайхуллин Марат Селирович*, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

• *Эриашвили Нодари Дарчоевич*, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsyna Ludmila Yuryevna, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

- *Dorskaya Alexandra Andreevna*, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

- *Mironov Vasily Olegovich*, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

- *Usanov Vladimir Evgenievich*, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

- *Shaikhullin Marat Selirovich*, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

- *Eriashvili Nodari Darchojevic*, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

• **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Каллагов Т.Э. * Правовые основы статуса Президента Российской Федерации 9

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Краевская А.Г., Федорова И.А. * Правовая природа контракта на оказание медицинских услуг в системе государственных закупок: публично-правовые и частноправовые элементы 15

Грудцына Л.Ю. * Прецедентное право в России de facto: правовые позиции высших судов 22

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Грудцына Л.Ю., Иванова С.А. * Реализация принципа добросовестности в преддоговорных отношениях 32

Максимлюк Е.А. * Соавторство в цифровой среде: трансграничное создание произведений через онлайн-платформы 40

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Григорьев Е.Г. * Историко-правовой анализ системы местного управления в России допетровского периода 47

Лагуткина Н.Б. * Противодействие коррупционным проявлениям в области физической культуры и спорта 50

ДИСКУССИЯ

Бабкина А.А., Шестаков С.Е. * Тестирование как форма контроля на занятиях по математике студентов СПО 54

CONTENTS:

CONSTITUTIONAL LAW

Kallagov T.E. * Legal basis for the status of the President of the Russian Federation 9

PUBLIC LAW

Kraevskaya A.G., Fedorova I.A. * The legal nature of a contract for the provision of medical services in the public procurement system: public and private law elements 15

Grudtsyna L.Yu. * Case law in Russia de facto: legal positions of the highest courts 22

PRIVATE LAW

Grudtsyna L.Yu., Ivanova S.A. * Implementation of the principle of good faith in pre-contractual relations 32

Maksimlyuk E.A. * Co-authorship in the Digital Environment: Cross-Border Creation of Works Through Online Platforms 40

HISTORY OF THE ISSUE

Grigoriev E.G. * Historical and legal analysis of the local government system in Russia of the pre-Petrine period 47

Lagutkina N.B. * Countering corruption in the field of physical culture and sports 50

DISCUSSION

Babkina A.A., Shestakov S.E. * Testing as a form of control in mathematics classes for students of vocational schools 54

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-764X-2026-1-9-14

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

КАЛЛАГОВ Таймураз Эльбрусович,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Место Президента Российской Федерации в системе федеральных государственных органов власти определяется его конституционным статусом. В связи с этим он выполняет следующие функции. Как глава государства, он является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, принимает меры к охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласование власти.

Ключевые слова: президент, конституция, разделение властей, полномочия президента, вступление в должность, институт президентской власти, органы государственной власти.

KALLAGOV Taimuraz Elbrusovich,
Candidate of Law

LEGAL BASIS FOR THE STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The position of the President of the Russian Federation within the system of federal government bodies is determined by his constitutional status. Therefore, he performs the following functions. As head of state, he is the guarantor of the Constitution of the Russian Federation and the rights and freedoms of man and citizen. He takes measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence, and state integrity, and ensures the coordination of power.

Key words: president, constitution, separation of powers, presidential powers, inauguration, presidential institution, state authorities.

Президент Российской Федерации (далее – Президент РФ) как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях. Свои полномочия он получает непосредственно от народа, избирается на четыре года гражданами России на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Избранным может быть гражданин РФ не моложе 35 лет, постоянно проживающий в России не менее 10 лет. Порядок выборов Президента РФ определяется федеральным законом (ст. 81).

Досрочное прекращение полномочий Президента возможно в случаях отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия, отрешения от должности (ст. 92). Гарантией против установления режима личной власти является положение Конституции о невозможности занятия должности Президента РФ одним и тем же лицом более двух сроков подряд (ст. 81). Вступление в должность Президента РФ связано с принесением им в торжественной обстановке в присутствии

членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда присяги, текст которой определен Конституцией РФ (ст. 82). Полномочия Президента РФ определены Конституцией РФ (ст. 83–90 и др.). Их можно классифицировать по нескольким группам.

Полномочия Президента РФ в связи с формированием федеральных органов государственной власти и Аппарата Президента: назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ; принимает решение об отставке Правительства РФ; по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от нее заместителей Председателя Правительства РФ федеральных министров; представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ и ставит перед ней вопрос об освобождении от должности Председателя Центрального банка РФ; Представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного Судов РФ, кандидатуру Генерального прокурора РФ; вносит в Совет

Федерации предложение об освобождении от должности Генерального прокурора; формирует и возглавляет Совет Безопасности РФ; формирует администрацию Президента РФ; назначает и освобождает полномочных представителей Президента РФ.

Полномочия Президента РФ в связи с деятельностью Федерального Собрания: назначает выборы Государственной Думы и референдум, вносит законопроекты в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные законы, обращается к Федеральному Собранию с ежегодным посланием о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Президент РФ может распустить Государственную Думу в трех случаях: а) после трехкратного отклонения представленных Президентом РФ кандидатур Председателя Правительства РФ; б) если Государственная Дума в течение трех месяцев после выражения ею недоверия Правительству РФ повторно выразит такое недоверие; в) если Государственная Дума отказывает в доверии Правительству после постановки такого вопроса Председателем Правительства РФ [1].

Полномочия Президента РФ в связи с деятельностью Правительства: имеет право председательствовать на заседаниях Правительства; издает указы, определяющие основные направления деятельности Правительства РФ; может отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам. Полномочия Президента РФ в сфере внешнеполитической деятельности Российской Федерации: определяет основные направления внешней политики государства и осуществляет руководство такой политикой; ведет переговоры и подписывает международные договоры РФ; подписывает ратификационные грамоты; принимает верительные и отзывные грамоты аккредитуемых при нем дипломатических представителей [2].

Полномочия Президента РФ в сфере военной политики, обороны и в связи с чрезвычайными обстоятельствами: утверждает военную доктрину; является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ; присваивает высшие воинские звания; в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории России или в ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе; при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории РФ или в ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе. Как глава государства, Президент РФ выступает своего рода арбитром в споре между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации, а также

между органами государственной власти субъектов РФ. Для этого он может прибегать к согласительным процедурам, передавать разрешение споров на рассмотрение суда. Свои полномочия Президент РФ осуществляет, издавая указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам и обязательны для исполнения на всей территории РФ (ст. 90). Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью (ст. 91).

Отрешение Президента РФ от должности возможно в связи с государственной изменой или совершением им иного тяжкого преступления. В Конституции РФ определяется процедура такого отрешения (ст. 93). Обвинение выдвигается Государственной Думой, которая принимает решение об этом двумя третями голосов от общего числа ее депутатов по инициативе не менее одной трети ее состава. Решение Государственной Думы подтверждается заключением Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления и заключением Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения [3].

Решение об отрешении от должности Президента РФ принимает Совет Федерации при голосовании, приводимом в том же порядке, что и в Государственной Думе при выдвижении обвинения против Президента РФ.

Совет Федерации должен принять решение об отрешении Президента РФ от должности в срок, не превышающий трех месяцев после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента [4].

Некоторые теоретические закономерности становления института президентства на современном этапе

Разумеется, каждое государство имеет свои национально-исторические особенности и традиции, что не может не сказаться на содержании и форме организации президентской власти. Вместе с тем, рассматривая становление института президентской власти в России, необходимо учитывать, что такой процесс происходил одновременно с аналогичными процессами в странах ближнего зарубежья. Общее историко-правовое прошлое стран СНГ, сходные трансформации и демократические преобразования неизбежно порождали общие черты организации и функционирования института президентской власти. Изучение этих общих черт требует специального теоретико-правового исследования [5].

В России изучение института президентства ведется по нескольким направлениям. Прежде всего это общие работы по конституционному праву, в которых есть разделы, посвященные президентству. Исследованию института президентства свои работы посвятили: А.А. Мишин, Э.А. Иванян, Р.Ф. Иванов, В.А. Власихин, Ю.М. Ледовских, Я.М. Бельсон, А.В. Зиновьев, Н.А. Са-

харов, В.П. Елисеев, Л.А. Окуньков, Г.А. Исакова, В.Я. Кожевников, В.В. Согрин, А.С. Никифоров, В.И. Каинов, И.А. Бережков, Т.В. Горбунова, Е.А. Гурьев, Н.Г. Зяблюк, В.П. Золотухин, В.Н. Конышев, Б.М. Лазарев и другие.

Особый интерес представляют исследования различных параметров президентства в Российской Федерации: соотношение института президентства и системы правления (И.Д. Хутинаев); эволюция института президентства (С.А. Авакьян, Л.А. Окуньков); полномочия Президента в отношениях с различными государственными органами (Э. Ожиганов, Ю.И. Скуратов); Президент в системе разделения властей (В. Радченко). Появились работы, в которых рассматриваются теоретические вопросы природы президентской власти в постсоветских республиках (В.Е. Чиркин, Б.Н. Кувалдин, Г.А. Шмавонян).

В последние годы опубликован ряд примечательных статей американских и европейских авторов о специфике института президентства в постсоциалистических странах, о достоинствах и недостатках различных систем республиканского правления (С. Холмс, А. Валенсуэла, Ф. Виммиран де Леон, Д.Л. Горовиц, Г. О'Доннелл, Х.Дж. Линц и др.).

В то же время формирование общих закономерностей становления и функционирования института президентства в переходный период еще не было предметом специального исследования. Между тем анализ огромного разнообразного материала о становлении и функционировании президентской власти в постсоциалистическом мире позволяет выделить ряд важных закономерностей этого процесса.

Для уяснения подобных закономерностей прежде всего уточним некоторые понятия, по поводу которых в научной литературе существуют разные мнения. Одним из таких ключевых понятий является определение «института президентства».

И.Д. Хутинаев с целью определения понятия «институт президентства» проводит анализ более широкого понятия – «социальный институт», в пределах которого вычленяются институты различных видов, в том числе правовые. Институт президентства – один из них. Он является предметом исследования разных отраслей общественных наук, в которых сложились различные подходы к понятию «президент», а следовательно, и различные акценты в его содержательной характеристике.

Б.П. Елисеев определяет институт президентства как интеграционный правовой институт, цель которого состоит в согласовании деятельности институтов государственной власти. Его также определяют как совокупность государственно-правовых (конституционных) норм, регулирующих формирование и функционирование президентской власти.

По мнению автора, институт президент-

ства должен рассматриваться как совокупность властных полномочий президента в сфере государственного управления, основанных на конституционных нормах, регулирующих функционирование президентской власти.

Понятие «президент как выборный глава государства» является родовым по отношению к понятию «президент» и общим для глав государств как с республиканской, так и с монархической формой правления. Видовыми признаками понятия «президент» являются выборность и срочность полномочий. Различные модели президентской власти определяют использование в Конституции таких терминов, как «глава государства» (Беларусь, Россия), «глава исполнительной власти» (США), «арбитр» (Франция), «высшее должностное лицо» (Россия с 1991 по 1993 гг.). Иногда конституционный статус президента не определен (ФРГ).

Особый интерес представляет анализ понятий «институт президентства» и «правовой статус президента», проведенный И.Д. Хутинаевым. Он отмечает первичность института президентства и его больший объем нормативного содержания по сравнению с правовым статусом президента. В отличие от последнего, институт президентства определяет не только функционирование, но и избрание президента. На этом основании делается вывод о том, что правовой статус является частью правового института, определяющего президентскую деятельность [6].

Очень важно для понимания сущности института президентства определение основных черт, характеризующих данный институт. Б.П. Елисеев выделяет следующие:

- президент является выборным главой государства, который может возглавлять исполнительную власть или быть арбитром в системе разделения властей; в организационном аспекте президент никому не подчинен, обладает высокой степенью независимости от каких-либо других государственных органов, что не снимает с него обязанности действовать на основе и во исполнение законов;

- пост президента имеет ярко выраженный политический характер. Ему принадлежит важная роль в формировании политики государства, верховного политического руководства государственными делами [7].

Несмотря на высокую степень разработанности научного аппарата в области исследования президентства, в научной литературе при характеристике президентства за рубежом используется термин «институт президентства», а когда речь идет о России – «институт президента». По мнению автора, использование второго термина не вполне правомерно, поскольку это отступление от общепринятой научной терминологии и не в полной мере отражает сущность данного института. Президентство включает не только президента как высшее должностное лицо в госу-

дарстве, но и конституционные нормы, регулирующие функционирование президентской власти; прецеденты, возникшие в результате конституционной практики; реальный объем полномочий, сложившийся в результате соотношения политических сил в государстве; структурные подразделения, обеспечивающие работу президента [8].

Разберемся в соотношении еще двух понятий: «форма правления» и «система правления». Необходимость в таком анализе стала особенно насущной в связи с весьма широко распространенным использованием понятий «президентская форма правления», «парламентарная форма правления», «парламентарная республика с президентской формой правления» [9].

Наиболее полное исследование данного аспекта содержится в работе Н.А. Сахарова. По его мнению, «форма правления» – *основа формирования высшей государственной власти в той или иной политической системе, которая бывает выборной или наследственной*. Отсюда произошли понятия «республиканская форма правления» и «монархическая форма правления».

При республиканской форме возникли различные системы правления. Политическое содержание термина «система правления» *обозначает в первую очередь тип соотношения прерогатив между исполнительными и законодательными органами государственной власти*.

Анализируя с учетом сказанного процесс государственного строительства в постсоциалистических странах, можем сделать вывод о том, что президентство стало центральным политическим атрибутом постсоциалистического мира. Однако его смысл и направленность нередко противоположны. Президентская власть, как показывает опыт постсоциалистических преобразований, способна стать и орудием демократических преобразований, и инструментом установления режима личной власти. Так что президентство таит в себе разнообразные возможности [10].

Какие факторы определяли тот или иной путь развития государственности в постсоциалистических странах? Поиск ответа на этот вопрос требует анализа не только современности, но и исторического прошлого этих стран. Такой подход позволяет условно разбить бывшие социалистические страны на две группы [11]. Первая группа – страны с довольно продолжительной историей национальной государственности; народы этих стран, по крайней мере в течение нескольких веков, жили в собственных государственных образованиях, хотя иногда переживали периоды оккупации и утраты независимости: Венгрия, Болгария, Польша, Чехия, Сербия, Румыния, Грузия, Армения, Литва, в значительной степени Латвия и Эстония. Упомянутые страны, как правило, имеют определенную историческую традицию и сложившуюся национальную политическую культуру [12].

Вторая группа стран представляет собой не-

зависимые го-сударственные образования, возникшие только в конце XX в. в результате распада бывших крупных социалистических государств. Перипетии становления в них самостоятельной государственности связаны с острой борьбой различных геополитических сил и политических традиций. В ряде стран возник открытый конфликт политических традиций (Украина, Молдова, Грузия и др.) [13].

Важно также отметить, что для постсоциалистического политического развития Чехии, Словакии, Венгрии, Словении, Хорватии, Польши характерна большая интегрированность в Европу, чем для стран юга Восточной Европы – Болгарии, Македонии, Албании, Румынии и Молдовы, долгое время находившихся под властью Османской империи, где господствовал авторитарный политический режим [14].

Состояние постоянной вооруженной борьбы за независимость против Турции наложило особый отпечаток на политические системы Сербии, Албании, Боснии и Герцеговины. Они традиционно управлялись авторитарными методами, в странах не было практики легальной оппозиции, политический терроризм составлял традиционный способ борьбы. Специфический режим существовал в среднеазиатских республиках СССР, где сочетались неформальные исторические авторитарные тенденции с формальной демократией советского строя, причем именно советский режим привносил в местные политические культуры демократические ценности и традиции [15].

Анализ дальнейшего развития постсоциалистических стран показывает, что эволюция института президентства в этих странах позволяет сделать два вывода.

Во-первых, в тех странах, где перекоп властных полномочий был сделан в пользу парламента, в настоящее время есть тенденция к усилению полномочий президента. Так, Словакия и Югославия (до превращения ее в Сербию и Черногорию) перешли от избрания президента парламентом к избранию его населением, в Латвии с трех до четырех лет увеличен срок полномочий президента [16].

Во-вторых, в тех странах, где были сильны полномочия президента, происходит усиление роли парламента (Польша, Хорватия). В целом можно утверждать, что к настоящему времени институт президентства в Восточной Европе устоялся и довольно стабилен. Необходимость сочетания легитимности и эффективности наделяет президентов в постсоциалистических обществах большей властью, чем определяют положения конституций [17].

Президент России является главой государства, но не главой Правительства. Парламент лишь утверждает кандидатуру Председателя, министров же назначает лично Президент, при этом даже не нуждаясь в согласии парламента. Президент России также имеет право на роспуск

парламента, но это его право ничем не уравновешено. Президент и назначает правительство, и распускает парламент. Полномочия Президента России превышают полномочия президента США [18]. Например, Конгресс США утверждает все персональные назначения в правительстве; президент США ни при каких условиях не может распустить Конгресс. В отличие от стран Латинской Америки, президент РФ может избираться на второй срок [19].

Российский тип президентства нашел свое продолжение в Беларуси, Азербайджане, Армении и, гиперболизированное, в Средней Азии.

Список литературы:

[1] Мазуров В.Ю. К вопросу о конституционно-правовом статусе государственных органов, осуществляющих деятельность на уровне федеральных округов // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 38.

[2] Лобачев А.А. Актуальные вопросы налогового контроля в Российской Федерации // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 35.

[3] Сперанский О.В. Юридические и физические лица как субъекты градостроительной деятельности // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 44-45.

[4] Егоров А.Э. Экономические правила ВТО в сфере международной торговли услугами // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 47.

[5] Долгий М.О. История конституционных изменений места и роли правоохранительной функции в государстве: исторические аспекты // Международный научный вестник. 2021. № 3. С. 16.

[6] Хутинаев И.Д. Институт президентства и проблемы формы государства. М., 1994. С. 13.

[7] Елисеев Б.П. Нормативно-методическое обеспечение деятельности государственного органа (на примере Администрации Президента РФ). М., 1997. С. 27.

[8] Быков И.И. Понятие банковской деятельности в современном законодательстве Российской Федерации // Российский научный вестник. 2021. № 3. С. 83-84.

[9] Гончаров И.А. Исторические аспекты развития системы объектов права собственности в Российской Федерации // Международный научный вестник. 2021. № 3. С. 22.

[10] Гончаров И.А. Право собственности: история и теория вопроса // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 17-18.

[11] Лебедев В.Е. Правовая природа опционного договора, его признаки и отличие от других производных финансовых инструментов в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 52.

[12] Пиманов А.К. Понятие и содержание правового сознания: теоретико-правовой аспект // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 22.

[13] Рыбачук Н.В. Вопросы становления и раз-

вития гражданского общества в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 22.

[14] Киселев А.В. Некоторые правовые проблемы строительства и эксплуатации жилых объектов в городе Москве в 2000-2010 годах // Российский научный вестник. 2021. № 3. С. 95-96.

[15] Семенцова А.А. Контроль в сфере государственного оборонного заказа // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 29.

[16] Аливердиева М.А. Деятельность прокуратуры в сфере охраны окружающей среды // Международный научный вестник. 2021. № 1. С. 39.

[17] Елинский А.В. Понятие и содержание института помилования в конституционно-правовом измерении // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 32-33.

[18] Каллагов Т.Э. К вопросу об основаниях возникновения и прекращения муниципально-служебных отношений в Российской Федерации // Международный научный вестник. 2021. № 3. С. 25.

[19] Марзак Г.А. Взаимодействие гражданского общества и правового государства: исторический аспект // Российский научный вестник. 2021. № 1. С. 16.

References:

[1] Mazurov V.Yu. On the Constitutional and Legal Status of State Bodies Operating at the Level of Federal Districts // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 38.

[2] Lobachev A.A. Current Issues of Tax Control in the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 35.

[3] Speransky O.V. Legal Entities and Individuals as Subjects of Urban Development Activities // International Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 44-45.

[4] Egorov A.E. WTO Economic Rules in the Sphere of International Trade in Services // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 47.

[5] Dolgiy M.O. History of Constitutional Changes in the Place and Role of the Law Enforcement Function in the State: Historical Aspects // International Scientific Bulletin. 2021. No. 3. P. 16.

[6] Khutinaev I.D. The Institute of Presidency and Problems of the Form of State. Moscow, 1994. P. 13.

[7] Eliseev B.P. Normative and Methodological Support for the Activities of a Government Body (using the Administration of the President of the Russian Federation as an Example). Moscow, 1997. P. 27.

[8] Bykov I.I. The Concept of Banking Activity in the Modern Legislation of the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 3. P. 83-84.

[9] Goncharov I.A. Historical Aspects of the Development of the System of Property Rights in the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2021. No. 3. P. 22.

[10] Goncharov I.A. Property Rights: History and Theory of the Issue // International Scientific Bulletin.

2021. No. 1. Pp. 17-18.

[11] Lebedev V.E. Legal Nature of an Option Agreement, Its Features and Difference from Other Derivative Financial Instruments in the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. Pp. 52.

[12] Pimanov A.K. Concept and Content of Legal Consciousness: Theoretical and Legal Aspect // International Scientific Bulletin. 2021. No. 1. Pp. 22.

[13] Rybachuk N.V. Issues of Formation and Development of Civil Society in the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. Pp. 22.

[14] Kiselev A.V. Some Legal Issues of Construction and Operation of Residential Facilities in the City of Moscow in 2000-2010 // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 3. P. 95-96.

[15] Semenova A.A. Control in the Sphere of State Defense Order // International Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 29.

[16] Aliverdiyeva M.A. Activities of the Prosecutor's Office in the Sphere of Environmental Protection // International Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 39.

[17] Elinsky A.V. Concept and Content of the Institution of Pardon in the Constitutional and Legal Dimension // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 32-33.

[18] Kallagov T.E. On the Issue of the Grounds for the Emergence and Termination of Municipal-Service Relations in the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2021. No. 3. P. 25.

[19] Marzak G.A. Interaction of civil society and the rule of law: historical aspect // Russian Scientific Bulletin. 2021. No. 1. P. 16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-764X-2026-1-15-21

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

КРАЕВСКАЯ Анна Геннадьевна,
студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»,
г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ФЕДОРОВА Ирина Анатольевна,
доцент, кандидат юридических наук,
кафедра гражданско-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»,
г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНТРАКТА НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию правовой природы государственного контракта на оказание медицинских услуг в системе государственных закупок, представляющего собой уникальный правовой феномен с двойственной природой. В работе обосновывается, что государственный контракт на оказание медицинских услуг занимает пограничное положение на стыке нескольких отраслей права: административного, регулирующего процедуру заключения контракта, гражданского, определяющего содержание договорных обязательств, медицинского, устанавливающего специальные требования к субъектам и стандарты качества медицинской помощи, и бюджетного, регламентирующего финансовую основу исполнения контракта. Детально рассматриваются публично-правовые элементы контракта, проявляющиеся на стадии его заключения через императивные нормы Федерального закона № 44-ФЗ.

Анализируется особая роль медицинского права через установление императивных требований к лицензированию, материально-технической базе, квалификации персонала, соблюдению порядков и стандартов оказания медицинской помощи, а также влияние бюджетного законодательства на правовую природу контракта через принципы расходования бюджетных средств и процедуры санкционирования расходов.

Обосновываются перспективы развития правового регулирования, включающие необходимость дифференцированного подхода к регулированию различных видов медицинских услуг.

Ключевые слова: государственный контракт, медицинские услуги, государственные закупки, публично-правовые элементы, частноправовые элементы, смешанный договор, контрактная система, гражданское право, медицинское право, бюджетное право, двойственная природа контракта, многоотраслевое регулирование, принципы контрактной системы, открытость и прозрачность, обеспечение конкуренции, единая информационная система, публичный интерес, частный интерес, договорная природа, возмездное оказание услуг, предмет контракта, права и обязанности сторон, гражданско-правовая ответственность, стандарты медицинской помощи, порядки оказания медицинской помощи, лицензирование медицинской деятельности, качество медицинской помощи, бюджетные средства, казначейское сопровождение, государственный контроль.

KRAEVSKAYA Anna Gennadyevna,
Student, Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow

FEDOROVA Irina Anatolyevna,
Associate Professor, PhD in Law,
Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow

THE LEGAL NATURE OF A CONTRACT FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES IN THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM: PUBLIC AND PRIVATE LAW ELEMENTS

Annotation. This article presents a comprehensive study of the legal nature of government contracts for the provision of medical services within the public procurement system, representing a unique legal phenomenon with a dual nature. The paper argues that government contracts for the provision of medical services occupy a borderline position at the intersection of several branches of law: administrative law, which regulates the procedure for concluding a contract; civil law, which determines the content of contractual obligations; medical law, which establishes special requirements for entities and quality standards for medical care; and budgetary law, which regulates the financial basis for contract performance. The public-law elements of the contract, manifested at the stage of its conclusion through the mandatory provisions of Federal Law No. 44-FZ, are examined in detail.

The special role of medical law is analyzed through the establishment of mandatory requirements for licensing, material and technical resources, personnel qualifications, and compliance with procedures and standards for the provision of medical care, as well as the influence of budget legislation on the legal nature of the contract through the principles of spending budget funds and expenditure authorization procedures. The article substantiates the prospects for the development of legal regulation, including the need for a differentiated approach to regulating various types of medical services.

Key words: government contract, medical services, government procurement, public law elements, private law elements, mixed contract, contract system, civil law, medical law, budget law, dual nature of contract, multisectoral regulation, principles of contract system, openness and transparency, ensuring competition, unified information system, public interest, private interest, contractual nature, provision of services for a fee, subject of contract, rights and obligations of the parties, civil liability, medical care standards, medical care procedures, licensing of medical activities, quality of medical care, budgetary funds, treasury support, state control.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой уникальный правовой феномен, отражающий сложное взаимодействие публичного и частного права в современной правовой системе Российской Федерации, при этом двойственная природа данного контракта проявляется в том, что он одновременно выступает как инструмент публичных закупок, регулируемый административным законодательством, и как договор на оказание медицинских услуг, подчиняющийся нормам гражданского права, что обуславливает необходимость теоретического анализа правовой природы государственного контракта в сфере медицины и соотношения норм различных отраслей права в регулировании этих специфических отношений.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг следует квалифицировать как смешанный договор в понимании статьи 421 Гражданского кодекса РФ, который содержит элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, однако специфика государственного контракта заключается не только в смешении различных гражданско-правовых договоров, но и в сочетании публично-правовых и частноправовых элементов, что выводит его за рамки классической цивилистической конструкции. Такая двойственность обусловлена особым субъектным составом, поскольку одной из сторон выступает публично-правовое образование (Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование) в лице уполномо-

ченного государственного или муниципального заказчика, действующего в публичных интересах и в рамках жестко регламентированных процедур. [1; 2]

С точки зрения теории права, государственный контракт на оказание медицинских услуг занимает пограничное положение на стыке нескольких отраслей права, где административное право регулирует процедуру заключения контракта (закупочные процедуры, требования к участникам, порядок определения поставщика), гражданское право определяет содержание договорных обязательств, права и обязанности сторон, порядок исполнения и ответственность за нарушение условий контракта, медицинское право как комплексная отрасль устанавливает специальные требования к субъектам, оказывающим медицинские услуги, стандарты качества медицинской помощи и права пациентов, а бюджетное право регламентирует финансовую основу исполнения контракта и порядок расходования бюджетных средств, при этом такое многоотраслевое регулирование создает сложную правовую конструкцию, требующую системного подхода к толкованию и применению норм.

Публично-правовой характер государственного контракта наиболее ярко проявляется на стадии его заключения, поскольку весь процесс закупок медицинских услуг регулируется Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который устанавливает императивные

правила, не допускающие отступлений по соглашению сторон. Ключевыми публично-правовыми аспектами регулирования выступают обязательность планирования закупок, в рамках которой заказчик обязан формировать планы закупок и планы-графики, размещать их в единой информационной системе, что обеспечивает прозрачность и предсказуемость государственных расходов в сфере здравоохранения, строго регламентированные способы определения поставщика, когда закон устанавливает закрытый перечень способов определения поставщика (конкурс, аукцион, запрос котировок, запрос предложений, закупка у единственного поставщика), каждый из которых имеет детальную процедурную регламентацию, обязательность размещения информации в единой информационной системе, при которой все сведения о закупке, начиная от извещения и документации и заканчивая протоколами и заключенным контрактом, подлежат обязательному размещению в информационной системе, что обеспечивает публичный контроль, а также специальные требования к содержанию документации, которые законодательство детально регламентирует, включая описание объекта закупки, требования к участникам и критерии оценки заявок. [4]

Закон № 44-ФЗ устанавливает систему принципов контрактной системы, которые имеют публично-правовую природу и обязательны для всех участников закупочных отношений, при этом принцип открытости и прозрачности предполагает свободный и безвозмездный доступ к информации о закупках, что отличает государственные закупки от частных сделок, где стороны не обязаны раскрывать информацию третьим лицам, принцип обеспечения конкуренции требует от заказчика создавать условия для участия максимального числа поставщиков, что может вступать в противоречие с частноправовым принципом свободы договора, принцип профессионализма заказчика возлагает на государственного заказчика обязанность обладать специальными знаниями и компетенциями, что не характерно для частноправовых отношений, принцип стимулирования инноваций направлен на достижение публичных целей развития медицины и здравоохранения, что выходит за рамки интересов конкретных сторон договора, а принцип единства контрактной системы обеспечивает единообразие закупочных процедур на всей территории Российской Федерации, что является проявлением публично-правового регулирования. [4]

Принципиальное отличие государственного контракта от частного договора заключается в том, что государство выступает заказчиком не в собственных интересах, а в интересах общества, что накладывает на заказчика специфические обязанности, включающие обязанность обоснования закупки и начальной (максимальной) цены контракта, запрет на создание преимуществ от-

дельным участникам закупки, ответственность за эффективность расходования бюджетных средств, обязанность осуществления закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства в установленном объеме, а также обязанность учитывать требования к закупаемым товарам, работам, услугам с точки зрения их воздействия на окружающую среду, при этом в сфере медицинских услуг публичный характер закупок проявляется в том, что конечными выгодоприобретателями являются не стороны контракта, а пациенты, получающие медицинскую помощь, что требует особого внимания к качественным характеристикам закупаемых услуг.

Публично-правовая природа государственного контракта предопределяет наличие развитой системы государственного контроля за соблюдением законодательства о контрактной системе, в рамках которой органы внутреннего государственного финансового контроля (Федеральное казначейство, контрольно-счетные органы) осуществляют контроль за соблюдением законодательства на всех стадиях закупочного процесса, Федеральная антимонопольная служба контролирует соблюдение конкуренции при осуществлении закупок и рассматривает жалобы участников закупок, а прокуратура осуществляет надзор за законностью в сфере закупок, при этом такая многоуровневая система контроля не характерна для частноправовых отношений и является ярким проявлением публично-правовой природы государственного контракта.

Несмотря на значительное публично-правовое регулирование процедуры заключения, государственный контракт по своей правовой природе остается договором, то есть соглашением двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (статья 420 ГК РФ), при этом договорный характер контракта проявляется в добровольности участия, когда несмотря на публичный характер закупки участие в ней является добровольным и никто не может быть принужден к заключению контракта (за исключением случаев заключения контракта с единственным поставщиком по инициативе заказчика), в согласовании условий, когда в рамках процедур определения поставщика стороны согласовывают существенные условия будущего контракта, хотя и в специфической форме (через подачу заявки и выбор победителя), а также в равенстве сторон при исполнении, когда после заключения контракта стороны находятся в равном положении как субъекты гражданского оборота, хотя публично-правовые элементы сохраняются (например, в части одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта). [1; 2]

Содержание контракта составляют конкретные медицинские услуги, определение которых носит гражданско-правовой характер и включает вид медицинских услуг (например, амбулаторно-поликлиническая помощь, стационарная

медицинская помощь, высокотехнологичная медицинская помощь, профилактические медицинские осмотры), объем услуг как количественное выражение закупаемых услуг (например, количество посещений, пролеченных больных, койко-дней), качественные характеристики как требования к порядку и условиям оказания медицинских услуг, которые должны соответствовать порядкам оказания медицинской помощи и стандартам медицинской помощи.

Содержание контракта составляют взаимные права и обязанности сторон, регулируемые нормами гражданского права, где обязанности исполнителя (медицинской организации) включают оказание медицинских услуг в соответствии с условиями контракта, порядками и стандартами оказания медицинской помощи, обеспечение наличия необходимой материально-технической базы и квалифицированного медицинского персонала, ведение медицинской документации и предоставление отчетности заказчику, соблюдение прав пациентов в соответствии с Федеральным законом от № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также обеспечение конфиденциальности сведений о пациентах, при этом права исполнителя включают требование своевременной и полной оплаты оказанных услуг, получение необходимой информации от заказчика и возможность в случаях, предусмотренных законом, отказаться от исполнения обязательств, тогда как обязанности заказчика включают своевременную и полную оплату оказанных услуг, принятие оказанных услуг и подписание соответствующих актов, действие исполнителю в исполнении контракта и осуществление контроля за исполнением контракта, а права заказчика включают требование надлежащего исполнения обязательств, осуществление контроля за качеством оказываемых услуг, возможность в случаях, предусмотренных законом и контрактом, отказаться от исполнения контракта в одностороннем порядке, а также применение мер ответственности к исполнителю за ненадлежащее исполнение обязательств, что в совокупности свидетельствует о том, что содержание прав и обязанностей сторон носит гражданско-правовой характер и регулируется нормами Гражданского кодекса РФ о договорах возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ) с учетом специфики медицинских услуг. [1; 2; 3]

Оплата медицинских услуг по государственному контракту осуществляется на основании гражданско-правовых принципов эквивалентности и возмездности, когда оплата производится после фактического оказания услуг на основании актов выполненных работ (оказанных услуг), акты подписываются обеими сторонами, что подтверждает факт оказания услуг и их приемку заказчиком, порядок и сроки оплаты определяются контрактом в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ, а авансирование может пред-

усматриваться контрактом в случаях и порядке, установленных Правительством РФ, при этом приемка медицинских услуг осуществляется путем создания заказчиком приемочной комиссии, проверки соответствия оказанных услуг условиям контракта, оценки качества оказанных услуг и подписания акта приемки или мотивированного отказа от приемки, что свидетельствует о том, что механизм оплаты и приемки услуг основан на гражданско-правовых конструкциях и отражает возмездный и эквивалентный характер договорных отношений сторон. [4]

Ответственность сторон за нарушение условий контракта носит гражданско-правовой характер и регулируется положениями Гражданского кодекса РФ, при этом ответственность исполнителя включает уплату неустойки (штрафа, пени) за просрочку исполнения обязательств, возмещение убытков, причиненных заказчику ненадлежащим исполнением, а также возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью пациентов при оказании медицинских услуг (деликтная ответственность), причем специфика ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг заключается в том, что она может наступать не только перед заказчиком по контракту, но и перед пациентами как потребителями медицинских услуг в соответствии с Законом РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» и Федеральным законом № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», тогда как ответственность заказчика включает уплату неустойки за просрочку оплаты и возмещение убытков, причиненных исполнителю. [1; 2; 5; 7]

Соотношение административно-правового и гражданско-правового регулирования государственного контракта можно охарактеризовать как последовательное применение, когда на стадии заключения контракта действуют административно-правовые нормы, устанавливающие процедуру определения поставщика, а на стадии исполнения контракта применяются преимущественно гражданско-правовые нормы, однако это разграничение не является абсолютным, поскольку публично-правовые элементы сохраняются на стадии исполнения в виде обязательного казначейского сопровождения контракта, контроля органов Федерального казначейства за соответствием информации в единой информационной системе фактическим обстоятельствам, права заказчика на односторонний отказ от исполнения контракта в случаях, установленных Законом № 44-ФЗ, и обязательного включения в контракт положений об ответственности в размерах, установленных Правительством РФ, тогда как частноправовые элементы присутствуют на стадии заключения в виде возможности подачи участником закупки запроса на разъяснение положений документации, согласования сторонами проекта контракта и возможности заключения контракта на иных условиях в случае снижения

цены, что в совокупности свидетельствует о том, что взаимодействие административного и гражданского права в регулировании государственного контракта носит комплексный характер, и эти отрасли не исключают, а дополняют друг друга. [4]

Медицинское право, понимаемое как комплексная отрасль, объединяющая нормы различных отраслей права, регулирующие отношения в сфере охраны здоровья, играет особую роль в регулировании государственных контрактов на оказание медицинских услуг через установление императивных требований медицинского законодательства, включающих лицензирование медицинской деятельности (Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»), соответствие медицинской организации требованиям к ее материально-технической базе, наличие у медицинских работников соответствующего образования и сертификатов специалиста (свидетельств об аккредитации), соблюдение порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, а также соблюдение прав пациентов (информированное добровольное согласие, врачебная тайна), при этом эти требования не могут быть изменены соглашением сторон контракта и подлежат обязательному включению в условия контракта либо применяются в силу прямого указания закона. Специфика регулирования качества медицинских услуг заключается в том, что в отличие от большинства других видов услуг качество медицинских услуг регулируется не только условиями контракта и общими нормами гражданского законодательства, но и специальными актами, включающими порядок оказания медицинской помощи по профилям и заболеваниям, стандарты медицинской помощи и клинические рекомендации (протоколы лечения), что в совокупности свидетельствует о том, что медицинское законодательство устанавливает публично-правовые рамки, в которых осуществляется гражданско-правовое регулирование отношений по государственному контракту. [6]

Бюджетное законодательство оказывает существенное влияние на правовую природу государственного контракта, устанавливая принципы расходования бюджетных средств (эффективность, экономность, результативность), определяя полномочия главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств, регламентируя процедуры санкционирования расходов и проведения платежей, а также устанавливая ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, при этом влияние бюджетного законодательства проявляется в том, что цена контракта не может превышать лимиты бюджетных обязательств, доведенных до заказчика, заключение и оплата контрактов осуществляется в пределах утвержденных бюджетных ассигнований, контракт подлежит казна-

чейскому сопровождению, а заказчик несет ответственность за эффективность расходования средств. [3]

Одной из центральных проблем правового регулирования государственных контрактов на оказание медицинских услуг является конфликт между публичным интересом в эффективном расходовании бюджетных средств и частным интересом в свободе договора, который проявляется в ограничении свободы формирования условий контракта, когда заказчик не может свободно определять условия контракта, а должен соблюдать требования законодательства о закупках, что может входить в противоречие с необходимостью учета специфики конкретной медицинской организации или особенностей оказания медицинских услуг, в императивности размеров ответственности, когда стороны не могут по своему усмотрению определить размеры неустойки, что ограничивает принцип свободы договора, а также в ограничениях на изменение условий контракта, когда Закон № 44-ФЗ устанавливает закрытый перечень оснований для изменения существенных условий контракта, что не позволяет сторонам гибко реагировать на изменение обстоятельств. [4]

Особая проблема возникает в связи с соотношением стандартов оказания медицинской помощи, устанавливаемых Министерством здравоохранения РФ, и условий конкретного контракта, поскольку, с одной стороны, стандарты носят императивный характер и обязательны для всех медицинских организаций, а с другой стороны, контракт может предусматривать дополнительные требования или, напротив, не в полной мере обеспечивать финансирование всех медицинских услуг, предусмотренных стандартами, что создает правовую неопределенность относительно того, должна ли медицинская организация оказывать медицинские услуги в полном соответствии со стандартами, даже если это не обеспечено финансированием по контракту, или она вправе ограничиться теми услугами, которые предусмотрены контрактом, при этом судебная практика исходит из приоритета требований медицинского законодательства, однако это создает риски для медицинских организаций, вынужденных оказывать услуги без соответствующего финансового обеспечения.

Еще одна проблема связана с тем, что конечными получателями медицинских услуг являются пациенты, которые не являются стороной контракта, при этом пациенты имеют самостоятельные права, предусмотренные Федеральным законом № 323-ФЗ и Законом о защите прав потребителей, что порождает вопрос о том, может ли пациент требовать предоставления медицинских услуг, которые не предусмотрены контрактом между заказчиком и медицинской организацией, но входят в стандарты медицинской помощи, при этом законодательство не дает

однозначного ответа на этот вопрос, что создает правовую неопределенность и риск конфликта интересов пациента, медицинской организации и заказчика. [5]

Анализ правовой природы государственного контракта на оказание медицинских услуг показывает необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию различных видов медицинских услуг, при этом представляется целесообразным выделить стандартизированные медицинские услуги (профилактические осмотры, диспансеризация, стационарная помощь по стандартам), для которых возможно применение более жестких публично-правовых процедур закупки (электронные аукционы), высокотехнологичную медицинскую помощь, требующую применения конкурсов с оценкой по нескольким критериям, где цена не является единственным критерием оценки, а также специализированные медицинские услуги (редкие заболевания, уникальное оборудование), которые могут закупаться у единственного поставщика при обосновании невозможности конкурентных процедур.

Необходимо законодательное закрепление механизмов защиты прав пациентов как конечных выгодоприобретателей по государственным контрактам на оказание медицинских услуг, включающих закрепление права пациентов на ознакомление с условиями контракта в части, касающейся объема и качества медицинских услуг, установление механизма общественного контроля за исполнением контрактов на оказание медицинских услуг, а также создание процедур досудебного урегулирования споров между пациентами и медицинскими организациями по вопросам качества и объема оказанных услуг, при этом ключевой задачей является обеспечение соответствия между требованиями стандартов медицинской помощи и финансовым обеспечением их выполнения через государственные контракты, что требует установления правила об обязательности финансирования всех услуг, предусмотренных стандартами медицинской помощи, создания механизмов корректировки цены контракта при изменении стандартов медицинской помощи в период его действия, а также предусмотрения ответственности заказчиков за заключение контрактов с недостаточным финансовым обеспечением стандартов.

Таким образом, государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую публично-правовые и частноправовые элементы, при этом его двойственная природа обусловлена одновременным действием норм административного права, регулирующих процедуру заключения контракта, норм гражданского права, определяющих содержание договорных обязательств, норм медицинского права, устанавливающих специальные требования к качеству медицинской помощи, и норм бюджетного права, регла-

ментирующих финансовую основу исполнения контракта, что требует комплексного подхода к правовому регулированию и дальнейшего совершенствования законодательства в направлении гармонизации публичных и частных интересов, дифференциации правового регулирования различных видов медицинских услуг и усиления защиты прав пациентов как конечных получателей медицинской помощи.

Государственный контракт на оказание медицинских услуг представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую публично-правовые и частноправовые элементы. Его двойственная природа обусловлена, с одной стороны, необходимостью обеспечения публичных интересов в эффективном расходовании бюджетных средств, прозрачности и конкуренции при осуществлении закупок, а с другой стороны – частноправовым характером договорных отношений по оказанию медицинских услуг.

Публично-правовые элементы контракта проявляются в императивном регулировании процедуры его заключения (Федеральный закон № 44-ФЗ), обязательности соблюдения принципов контрактной системы (открытость, прозрачность, конкуренция) и развитой системе государственного контроля. Частноправовые элементы выражаются в договорной природе контракта, гражданско-правовом регулировании его содержания (предмет, права и обязанности сторон, порядок оплаты) и применении норм гражданского законодательства об ответственности. [4]

Специфика государственных контрактов на оказание медицинских услуг заключается в необходимости учета императивных требований медицинского законодательства (лицензирование, стандарты оказания медицинской помощи, права пациентов), что требует согласованного применения норм административного, гражданского, медицинского и бюджетного права.

Правоприменительная практика выявляет проблемы: конфликт публичного и частного интереса, несоответствие стандартов медицинской помощи и их финансового обеспечения, неопределенность правового положения пациентов. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства в направлении дифференциации регулирования различных видов медицинских услуг, усиления защиты прав пациентов и гармонизации стандартов с финансовым обеспечением.

Понимание двойственной правовой природы государственного контракта важно для правильного применения законодательства и совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ,

05.12.1994, N 32, ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.

[3] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

[4] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, N 14, ст. 1652.

[5] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета, N 263, 23.11.2011.

[6] Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Парламентская газета, N 23, 13-19.05.2011.

[7] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.

References:

[1] Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) (as amended and

supplemented, entered into force on August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.

[2] Part Two of the Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, January 29, 1996, No. 5, Art. 410.

[3] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 N 145-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 03.08.1998, N 31, Art. 3823.

[4] Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ (as amended on 26.12.2024) «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs» (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 08.04.2013, N 14, Art. 1652.

[5] Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (as amended on 23.07.2025) «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Rossiyskaya Gazeta, N 263, 23.11.2011.

[6] Federal Law of 04.05.2011 N 99-FZ (as amended on 23.05.2025) «On Licensing Certain Types of Activities» // Parlamentskaya Gazeta, N 23, 13-19.05.2011.

[7] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 N 2300-1 (as amended on 07.07.2025) “On the Protection of Consumer Rights” // Collected Legislation of the Russian Federation, 15.01.1996, N 3, Art. 140.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования
им. К. Д. Ушинского (<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО В РОССИИ DE FACTO: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЫСШИХ СУДОВ

Аннотация. В статье анализируется феномен прецедентности в российской правовой системе при формальном отрицании судебного прецедента как источника права. Показано, что в России сформировалась *de facto* модель «прецедента правовых позиций»: нормативное значение приобретают не отдельные судебные решения как таковые, а их правовые позиции (*ratio decidendi*), выраженные прежде всего в актах Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Аргументируется, что данная модель выполняет функции нормообразования, устранения правовой неопределенности и управления правоприменительными рисками, но порождает вопросы демократической легитимации, предсказуемости и процессуальной «обязательности» позиции для судов и участников оборота. На материале судебных актов показаны основные типы прецедентных эффектов: «жесткая» обязательность конституционно-правового смысла, «квазинормативность» пленумных разъяснений и «операционная прецедентность» через практику отмены судебных актов. В заключение предложены направления институционализации *de facto* прецедента в условиях цифровизации правосудия.

Ключевые слова: судебный прецедент, судебная практика, правовые позиции, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, единообразие судебной практики, правовая определенность, *ratio decidendi*.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after
K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>), Professor of the
Department of Constitutional and International Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

CASE LAW IN RUSSIA DE FACTO: LEGAL POSITIONS OF THE HIGHEST COURTS

Annotation. This article analyzes the phenomenon of precedent in the Russian legal system, despite the formal rejection of judicial precedent as a source of law. It is shown that a *de facto* model of «legal position precedent» has emerged in Russia: normative significance is acquired not by individual judicial decisions as such, but by their legal positions (*ratio decidendi*), expressed primarily in acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. It is argued that this model performs the functions of norm-setting, eliminating legal uncertainty, and managing law enforcement risks, but gives rise to questions of democratic legitimization, predictability, and the procedural «bindingness» of the position for courts and market participants. Using judicial decisions, the article demonstrates the main types of precedent effects: the «strict» binding nature of constitutional and

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

legal meaning, the «quasi-normative» nature of plenary clarifications, and «operational precedent» through the practice of overturning judicial decisions. In conclusion, directions for institutionalizing de facto precedent in the context of the digitalization of justice are proposed.

Key words: judicial precedent, judicial practice, legal positions, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, uniformity of judicial practice, legal certainty, ratio decidendi.

Введение

Российская правовая традиция относится к романо-германской семье и нормативно закрепляет приоритет закона. Однако фактическая структура правового регулирования давно не исчерпывается текстом нормативных актов: значительная часть «рабочих» правил поведения формируется через устойчивые правовые позиции высших судебных инстанций и их интерпретации. Это особенно заметно в условиях: (1) высокой динамики законодательства; (2) пробелов и коллизий; (3) необходимости единообразия и предсказуемости правоприменения при массовых однотипных спорах.

Цель исследования — описать и концептуализировать прецедентность в России *de facto* как особую модель судебного нормообразования и управления единообразием практики.

Задачи: (1) выделить нормативные и функциональные основания прецедентности; (2) показать механизмы «обязательности» правовых позиций; (3) проанализировать судебные кейсы/акты, в которых проявляется прецедентный эффект; (4) предложить направления институционального развития.

Методология: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой подход (категории *stare decisis* и прецедента толкования), кейс-метод.

Научная новизна состоит в том, что прецедентность в России предлагается рассматривать не как «скрытое общее право», а как управленческо-институциональную технологию: *правовая позиция* выступает регулятором, обеспечивающим предсказуемость в обмен на частичную «судебную нормотворческую нагрузку» на высшие суды.

1. Нормативная база и институциональные источники прецедентности

1.1. «Жесткая» прецедентность: решения Конституционного Суда РФ

Ключевой узел российской прецедентности — Конституционный Суд РФ. Федеральный конституционный закон закрепляет обязательность его решений для всех органов и лиц на территории РФ.

При этом *обязательность* проявляется не только в резолютивной части (признание нормы конституционной/неконституционной), но и в конституционно-правовом смысле, который Суд выявляет и фиксирует: такой смысл исключает иное истолкование и требует корректировки правоприменения. Именно здесь возникает наиболее

близкий к классическому прецеденту эффект: нижестоящий правоприменитель связан *ratio* — правовой позицией, без которой решение теряет регулятивную силу.

Ключевой узел российской прецедентности действительно сосредоточен в Конституционном Суде РФ, поскольку именно он производит наиболее «жесткий» тип судебной нормативности — не через частный исход спора, а через **общеобязательный конституционно-правовой стандарт**, адресованный всей системе правотворчества и правоприменения. Федеральный конституционный закон закрепляет обязательность решений КС РФ для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и организаций. Это придает актам КС РФ характер нормативного «узла управления» системой: их игнорирование не является вариантом допустимого толкования, а квалифицируется как нарушение конституционно заданных рамок правового регулирования.

При этом обязательность актов КС РФ не сводится к резолютивной части, хотя она наиболее очевидна (признание нормы неконституционной влечет ее выбытие из правового пространства; признание конституционной — сохранение в системе). Специфика российской модели состоит в том, что КС РФ часто действует не как «негативный законодатель» в чистом виде (простое устранение нормы), а как орган, который **конструирует конституционно-правовой смысл** оспариваемого положения. Иными словами, Суд фиксирует: *какое именно понимание нормы совместимо с Конституцией*, а какие варианты ее интерпретации — исключаются. Здесь формируется не просто вывод «конституционно/неконституционно», а **обязательная матрица интерпретации**, которая и порождает прецедентный эффект.

Конституционно-правовой смысл — это нормативно значимая интерпретационная конструкция, обычно сформулированная в мотивировочной части, но обладающая регулятивной силой, сопоставимой с «правилом». Она выступает как своеобразное *ratio decidendi* конституционного правосудия: без учета данного смысла невозможно корректно применить норму в дальнейшем. Практически это проявляется в том, что КС РФ признает допустимым сохранение нормы при условии ее применения **только в определенном конституционно совместимом понимании** (иногда — с дополнительными критериями, исключениями, процедурными требованиями). Таким образом, Суд не просто «оценивает» закон, а определяет пределы его действия и алгоритм

правоприменения.

Юридические последствия такой конструкции многослойны. Во-первых, конституционно-правовой смысл становится **обязательным ориентиром для всех судов**: нижестоящий суд, применяя норму, обязан воспроизвести ее в том значении, которое допускает КС РФ, иначе судебный акт оказывается уязвимым как вынесенный при неправильном понимании конституционного стандарта. Во-вторых, обязательность адресована и законодателю: даже если норма формально не «выбывает», правовая позиция КС РФ задает рамки допустимых будущих поправок и требует устранения выявленной неопределенности либо пробела. В-третьих, позиция КС РФ имеет системный эффект для правоприменительных органов (административных, контрольных, правоохранительных): изменяется «правильная» модель поведения государства по отношению к частным лицам.

Именно поэтому акты КС РФ часто выполняют функцию **институционализированного прецедента толкования**: они не создают «общее право» в англосаксонском смысле, но создают обязательный стандарт понимания и применения норм, который действует для неопределенного круга лиц и случаев. В российской системе это, по сути, наиболее близкий аналог «жесткой прецедентности»: обязательность здесь обусловлена не авторитетом или удобством следования, а прямой юридической силой конституционного контроля и вытекающим из него запретом на альтернативные интерпретации, признанные неконституционными.

Если вам нужно, я дополню этот фрагмент примерами типовых формул КС РФ (когда Суд «сохраняет норму», но исключает определенные правоприменительные варианты) и покажу, как это трансформируется в обязательные стандарты для гражданских, административных и уголовных дел.

Ниже — **типовые “формулы” (устойчивые речевые конструкции) Конституционного Суда РФ**, которые фактически работают как **операторы прецедентности**: через них Суд (а) **задает конституционно-правовой смысл нормы**, (б) **ограничивает/направляет практику**, (в) **формулирует обязательные последствия**. Каждая формула привязана к 1–2 актам КС РФ из вашей статьи — **с точными реквизитами**.

1) Формулы, задающие метод “прецедентного” толкования

1. «...оценивая не только буквальный смысл..., но и смысл, придаваемый... сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе норм Конституции...»

Функция: легитимация вывода “ratio decidendi” (КС фиксирует смысл нормы не как филологию, а как системную конституционную директиву, учи-

тывающую практику).

Примеры (реквизиты):

- Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации». [1]

2. «Конституция Российской Федерации не предполагает...» (исключающая формула)

Функция: “закрытие” альтернативной интерпретации (Суд пресекает варианты практики, которые считаются как конституционно недопустимые).

Пример:

- Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П (в логике разграничения компетенций: «... Конституция... не предполагает...»). [1]

2) Формулы, привязывающие смысл к правоприменительной практике

3. «...по смыслу, придаваемому... правоприменительной практикой...»

Функция: фиксация того, что предмет конституционного анализа — не только текст нормы, но и ее “жизнь” в судах/администрации (что особенно важно для тезиса о de facto прецедентности).

Пример:

- Определение КС РФ от 04.12.2003 № 418-О «По жалобе гражданина Егорова Андрея Дмитриевича...». [2]

4. «По смыслу [статей/норм]...» (критериальная формула)

Функция: через “по смыслу” КС вводит условия допустимости, критерии, пороговые тесты (впоследствии воспроизводимые практикой).

Пример:

- Определение КС РФ от 04.12.2003 № 418-О (о допустимости жалобы как средства защиты). [2]

5. «Сама по себе [норма] не может рассматриваться как затрагивающая конституционные права...»

Функция: “нейтрализация” претензии к норме и переадресация проблемы в плоскость правоприменения/фактов; это типичная техника КС для разведения “нормы” и “практики”.

Пример:

- Определение КС РФ от 04.12.2003 № 418-О. [2]

3) Формулы, ограничивающие предмет и рамки рассмотрения

6. «...являются предметом рассмотрения... в той мере, в какой...»

Функция: точная “юрисдикционная рамка” (КС допускает проверку не “вообще”, а в привязке к юридически значимому аспекту). Это — один из самых узнаваемых маркеров прецедентной техники Суда.

Пример:

- Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности... в связи с запросом группы депутатов Государ-

ственной Думы». [3]

4) Формулы конституционно-правового смысла как “прецедентного правила”

7. «Признать ... не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку...» (условная конституционность)

Функция: Суд сохраняет норму, но делает это ценой “привязки”: конституционность подтверждается при данном смысле, который становится обязательным.

Пример:

• Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П (резолютивная часть: «...не противоречащими..., поскольку...»). [3]

8. «...по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования...»

Функция: ключевая “прецедентная” формула: КС закрепляет не просто мотивировку, а нормативно-обязательный смысл нормы (как правило применения).

Пример:

• Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П. [3]

5) Формулы обязательности и последствий (максимально “прецедентные” по эффекту)

9. «...не подлежит исполнению...» (формула блокировки исполнения в части)

Функция: прямое юридическое последствие, адресованное правоприменителю/органам исполнения; фактически — “команда системы”.

Пример:

• Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П (если КС приходит к выводу о противоречии Конституции РФ — соответствующая часть не исполняется). [3]

10. «Признать исполнение ... невозможным, поскольку...»

Функция: “формула невозможности” (превращает оценку в обязательный итог: невозможность исполнения при конституционном запрете).

Пример:

• Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П «...по делу “Анчугов и Гладков против России”...» (резолютивная часть: невозможность мер общего характера). [4]

11. «Признать невозможным исполнение ...» (категорическая формула)

Функция: предельно жесткая конструкция “стоп-нормы” для конкретного способа исполнения решения межгосударственного органа.

Пример:

• Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П «...по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России”...» (резолютивная часть). [5]

12. «Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно... действует непосредственно и не требует подтверждения...»

Функция: процессуально-юридическая “пе-

чать обязательности” (показывает режим прямого действия решения КС).

Примеры:

• Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П (резолютивная часть). [3]

• Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П (резолютивная часть). [4]

6) Формулы адресации законодателю (мягкая “прецедентность”)

13. «...не исключается правомочие федерального законодателя... с учетом правовых позиций Конституционного Суда...»

Функция: формула “нормативного приглашения” законодателю: КС задает коридор допустимого регулирования и связывает его своими правовыми позициями (в перспективе — источник последующих стандартов).

Примеры:

• Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П (о возможности предусмотреть механизм). [3]

• Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П (о прерогативе законодателя при обязательности критерия соразмерности). [5]

1.2. «Квазинормативность» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

Верховный Суд РФ как высший судебный орган по соответствующим категориям дел обеспечивает единообразие практики и дает разъяснения по вопросам судебной практики в процессуально признанных формах.

При формальном отсутствии прецедента разъяснения Пленума функционируют как нормативные ориентиры: их игнорирование резко повышает вероятность отмены судебного акта, что превращает «рекомендацию» в фактическую обязанность следования.

Разъяснения Пленума ВС РФ как де-факто «прецедент»: почему «рекомендация» превращается в обязанность следования

Формально российская правовая система не признаёт судебный прецедент источником права; при этом **механизм кассационного и надзорного контроля** делает отклонение от правовых позиций высшей судебной инстанции процессуально рискованным и потому — практически нерациональным. Именно здесь лежит объяснение феномена: *разъяснения Пленума функционируют как нормативные ориентиры*, поскольку их игнорирование зачастую квалифицируется вышестоящими судами как неправильное применение нормы (или как существенное нарушение единообразия практики), что повышает вероятность отмены судебного акта.

Юридико-техническая «точка сборки» — **конституционная и законодательно закреплённая функция ВС РФ обеспечивать единообразие**: постановления Пленума издаются «в целях обеспечения единства практики» и принимаются с

прямой ссылкой на конституционное полномочие ВС РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики. [6]

1) Почему это работает как обязательность: логика судебной иерархии

Де-факто обязательность обеспечивается не столько «нормативностью» разъяснений в формальном смысле, сколько *архитектурой инстанционного контроля*:

1. **Разъяснение задаёт эталон толкования** для применения нормы в типовой фактической ситуации.

2. **Суд нижестоящей инстанции**, игнорируя эталон, фактически принимает решение в «минном поле» кассации: спорная интерпретация превращается в уязвимость.

3. **Суд вышестоящей инстанции**, обладая полномочиями отмены/изменения судебных актов, как правило, рассматривает расхождение с разъяснением как отклонение от единообразия и/или ошибку толкования. В результате толкование superior courts становится «обязательным» именно как стандарт пересмотра. [7]

В научной литературе эта зависимость описывается прямо: **неприменение разъяснений Пленума влечёт отмену**; тем самым рекомендация приобретает юридические последствия и перестаёт быть «факультативной». [8]

Одновременно существует и критическая линия: в частности, подчёркивается, что признание обязательности разъяснений не может быть избирательным и что сама «обязательность» требует, по меньшей мере, актуальности, непротиворечивости и теоретической безупречности позиций Пленума — иначе она вступает в конфликт с принципом законности.

2) Где заканчивается толкование и начинается квазинормативность

Ключевой индикатор «прецедентности» Пленума — то, что его разъяснения на практике не редко:

- формируют **презумпции** (в т.ч. причинной связи, совместности действий, недобросовестности и др.),
- задают **стандарты доказывания** («разумная степень достоверности», допустимые методы расчёта),
- перераспределяют **бремя доказывания**,
- конструируют тесты и критерии (например, для квалификации поведения как добросовестного/недобросовестного, для разграничения «обычного делового риска» и неправомерного управления).

Именно эти элементы выходят за пределы «комментария к закону» и работают как **квази-норма**: суды применяют их как готовые регулятивные модели, а не как опциональные рассуждения.

Ниже — три показательных примера, где Пленум фактически «достраивает» нормативный ма-

териал через презумпции и стандарты.

3) Примеры «нормативных» конструкций в разъяснениях Пленума

3.1. Добросовестность как стандарт поведения и как процессуальный инструмент (ППВС № 25 от 23.06.2015)

В постановлении Пленума № 25 добросовестность не только повторно утверждается как принцип, но и **определяется через модель ожидаемого поведения** («учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей...»), а также вводится процессуально значимое положение о возможности квалифицировать поведение как недобросовестное **по инициативе суда** при «очевидном отклонении». Эти формулы превращают принцип в **операциональный тест** и одновременно усиливают активную роль суда в выявлении недобросовестности. [6]

Эффект прецедентности: при ссылке на добросовестность суды обычно воспроизводят именно «пленумовскую» матрицу (ожидаемое поведение + презумпция + допустимость инициативы суда), а отступление от неё повышает вероятность признания мотивировки неполной или неправильной.

3.2. «Обычное последствие» как презумпция причинной связи и стандарт оценки убытков (ППВС № 7 от 24.03.2016)

Постановление Пленума № 7 демонстрирует, как разъяснение работает как **нормативный алгоритм** для дел о взыскании убытков:

- кредитору позволяется доказывать упущенную выгоду **не только** через «меры и приготовления», но и «любыми другими доказательствами возможности её извлечения», причём Пленум предлагает типовой способ расчёта (сопоставление прибыли за аналогичные периоды до/после нарушения); [9]

- суду запрещается отказывать в иске лишь потому, что размер убытков не установлен с «разумной степенью достоверности»; вместо этого суд обязан определить размер, руководствуясь справедливостью и соразмерностью; [9]

- ключевая «квазинорма»: **если убытки — обычное последствие нарушения, то причинная связь предполагается** (презумпция), а должник может её опровергать, доказывая иную причину. [9]

Эффект прецедентности: презумпция причинной связи здесь не выглядит как нейтральный комментарий: она задаёт суду и сторонам процессуальную конфигурацию спора и напрямую влияет на исход (в т.ч. через распределение рисков недоказанности).

3.3. Презумпции и «правила игры» в банкротстве (ППВС № 53 от 21.12.2017, ред. от 23.12.2025)

В постановлении Пленума № 53 особенно заметна нормативная плотность: разъяснения фор-

мируют целый набор презумпций и критериев, которые фактически стандартизируют субсидиарную ответственность контролирующих лиц.

Показательные фрагменты:

- при совершении действий после наступления объективного банкротства Пленум фиксирует презумпцию утраты возможности реабилитации должника и, как следствие, — презумпцию причинной обусловленности полной ответственности (в логике «окончательно утрачена возможность...»); [10]

- при доказанности обстоятельств, составляющих основания опровержимых презумпций доведения до банкротства, **предполагается**, что именно действия контролирующего лица стали необходимой причиной объективного банкротства; при этом контролирующее лицо получает «дорожную карту» защиты (ссылки на исключительно внешние факторы и т.п.); [10]

- вводится презумпция **совместности действий** аффилированных контролирующих лиц («пока не доказано иное...»), что напрямую влияет на солидаритет/долевою модель ответственности. [10]

Дополнительно важно, что документ регулярно обновляется (редакция от 23.12.2025), что подчёркивает его роль как «живого регулятора» практики, подстраиваемого под правоприменительные потребности. [10]

Эффект прецедентности: Пленум здесь не просто толкует нормы банкротного закона — он конструирует устойчивые презумпции и тесты, которые суды затем воспроизводят как обязательный «каркас» мотивировки.

4) Вывод для общей концепции статьи

С практической точки зрения разъяснения Пленума — это **soft law с жёсткими последствиями**: формально они не объявлены источником права, но функционально выполняют роль **стандарта допустимого толкования**, отступление от которого повышает риск отмены. Поэтому в российской модели де-факто прецедентности Пленум ВС РФ выступает не вторичным комментатором, а **центром нормообразования через интерпретацию**, особенно там, где закон использует оценочные категории или оставляет пробелы (добросовестность, причинная связь, деловой риск, стандарты доказывания).

1.3. «Операционная прецедентность»: эффект отмены и кассационная фильтрация

Даже там, где отсутствует прямое предписание «следовать прежнему делу», действует иной механизм: статистически и институционально суды ориентируются на устойчивые позиции высших инстанций, поскольку отклонение ведет к отмене, пересмотру и репутационным/процессуальным издержкам. В результате прецедентность возникает как рациональная стратегия поведения судьи и представителя: прогноз исхода дела строится по матрице действующих правовых позиций.

2. Типология de facto прецедента в России

Предлагается различать четыре уровня:

1. Конституционный прецедент (hard precedent) — обязательность конституционно-правового смысла и правовой позиции КС РФ. [12]

2. Пленумная квазинорма (soft-hard) — разъяснения Пленума ВС РФ, обязательные de facto через механизм единообразия и отмены. [13]

3. Кассационная «позиция по линии» (operational precedent) — устойчивые подходы судебных коллегий и президиумов, транслируемые через обзоры и массовую отмену отклонений.

4. Цифровой/платформенный прецедент (emerging) — закрепление и тиражирование «правильной позиции» через электронные банки практики, правовые поисковые системы и аналитические инструменты; эта форма уже влияет на адвокатскую и корпоративную практику и будет усиливаться.

3. Десять судебных кейсов/актов, демонстрирующих прецедентный эффект (эмпирическая часть)

Ниже — выборка актов, в которых прецедентность выражена наиболее рельефно (по юридической силе и влиянию на практику).

3.1. Конституционный Суд РФ (обязательность правовой позиции)

Кейс 1. Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П (толкование ст. 125–127 Конституции РФ). Формирует прецедент толкования конституционных норм и пределы компетенции высших судов; демонстрирует «конституционный прецедент» как источник управляемости системы. [14]

Кейс 2. Определение КС РФ от 04.12.2003 № 418-О (Егоров А.Д.). Содержательно важно тем, что конституционно-правовой смысл нормы признается общеобязательным и исключающим иное истолкование, что максимально приближает правовую позицию к ratio decidendi прецедента. [2]

Кейс 3. Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П (соотношение Конституции РФ и исполнения постановлений ЕСПЧ). Закрепляет алгоритм разрешения коллизии «международная юстиция — конституционная идентичность», породив масштабный прецедентный эффект для всех юрисдикций. [3]

Кейс 4. Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П (исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России»). Показательно как институционализация процедуры «конституционного фильтра» для международных правовых позиций и как прецедентная матрица для последующих ситуаций. [4]

Кейс 5. Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П (исполнение постановления ЕСПЧ по делу «ОАО «НК ЮКОС» против России»). Формирует

высокозначимую правовую позицию с прямым регулятивным эффектом для правоприменения и правовой политики государства. [5]

3.2. Верховный Суд РФ (квазинормативные ориентиры и единообразия)

Кейс 6. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 (применение положений раздела I части первой ГК РФ). Систематизирует ключевые категории (добросовестность, злоупотребление правом, сделки и т.п.), фактически задавая обязательные «правила толкования». [13]

Кейс 7. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 (ответственность за нарушение обязательств). Конструирует стандарты доказывания и расчета убытков/неустоек, что в практике действует как «кодекс в кодексе». [9]

Кейс 8. Постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 (право на защиту в уголовном судопроизводстве). Демонстрирует прецедентность в публично-правовой сфере: формирует обязательные процедурные стандарты, влияя на допустимость доказательств и качество процесса. [15]

Кейс 9. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 (субсидиарная ответственность контролирующего должника лиц при банкротстве). Типичный пример «управления рынком через практику»: критерии контроля, презумпции и стандарты доказывания превращают акт в регулятор предпринимательских рисков. [10]

Кейс 10. Постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2025 № 33 (изменения в отдельные постановления и признание утратившим силу Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21 о применении ЕКПЧ и практики ЕСПЧ). Акт значим тем, что демонстрирует «прецедентность в обратную сторону»: централизованное прекращение ориентации судов на определенный массив правовых позиций. [16]

4. Дискуссионные узлы: легитимность, предсказуемость, границы судебного нормообразования

1. **Легитимация:** прецедентность повышает предсказуемость и снижает транзакционные издержки, но фактически перераспределяет нормотворческую функцию от законодателя к высшим судам.

2. **Правовая определенность:** позиции высших судов часто «закрывают» пробелы быстрее закона, но при этом могут быстро эволюционировать, создавая риск ретроспективного ужесточения стандартов.

3. **Процессуальная справедливость:** в российской модели фактическое следование позиции иногда подменяет мотивировку («потому что так сказал Пленум/обзор»), что ослабляет состязательность и индивидуализацию правосудия.

4. **Проблема доступа:** если позиция существует «внутри практики», а не в тексте закона, возрастает роль профессиональных посредни-

ков (адвокатов, in-house, legal tech) и усиливается асимметрия сторон.

Эти риски прямо обсуждаются в научной литературе; в частности, аргумент об обязательности разъяснений Пленума и их фактической нормообразующей роли последовательно обоснован в современной доктрине.

5. Перспективы: институционализация de facto прецедента и «цифровой stare decisis»

На ближайшую перспективу наиболее продуктивна не декларация «Россия — страна прецедента», а аккуратная институционализация уже существующей реальности:

1. **Официальный реестр правовых позиций ВС РФ** с версионностью (дата введения, редакции, статус «действует/изменена/утратила значение»).

2. **Стандарт цитирования правовых позиций** в судебных актах: суд обязан явно указать, следует ли он позиции высшей инстанции или мотивированно от нее отступает.

3. **Процедура «пересмотра позиции»** (аналог «*overruling*»): если высшая инстанция меняет подход, должны быть обозначены переходные правила (для делящихся отношений, банкротств, налоговых периодов и т.п.).

4. **Прозрачность цифрового правоприменения:** с ростом аналитики судебной практики прецедентность будет усиливаться технологически — и потому нуждается в правовых «предохранителях», чтобы алгоритм не подменил право.

Заключение

В России сформировалась *de facto* прецедентная модель, но не англосаксонского типа: ее ядро — правовые позиции высших судов, обеспечивающие единообразие и управляемость системы при неизбежной неопределенности законодательства. Конституционный Суд РФ производит «жесткий» прецедент конституционно-правового смысла, а Верховный Суд РФ — «квазинормативные» стандарты через пленумные разъяснения и практику единообразия. Практическая задача науки и законодателя — не отрицать эту конструкцию, а повысить ее легитимность, прозрачность и предсказуемость через стандарты публикации, цитирования и изменения правовых позиций.

Список литературы:

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (дата обращения: 01.01.2026).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 № 418-О «По жалобе гражданина Егорова Андрея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 137 и 138 Налогового кодекса

Российской Федерации, статьи 22 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации 1995 года, статей 29 и 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46133/ (дата обращения: 01.01.2026).

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”... в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 01.01.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/ (дата обращения: 01.01.2026).

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/ (дата обращения: 01.01.2026).

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 01.01.2026).

[7] The Legal Grounds for Judicial Law-Making in Russia : электронный ресурс // The Institute of Precedent (HSE University). URL: <https://precedent.hse.ru/en/law/> (дата обращения: 01.01.2026).

[8] Соловьева Т. В. К вопросу об обязательном характере постановлений Пленума Верховного суда РФ // Современное право. 2010. № 12. С. 96–100 : электронная версия // Архив статей «Современное право». URL: <https://www.sovremennoepраво.ru/m/articles/view/К-вопросу-об-обязательном-характере-постановлений-Пленума-Верховного-суда-РФ> (дата обращения: 01.01.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 01.01.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 01.01.2026).

[11] Рапог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162). С. 104–112.

[12] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (действующая редакция). // Гарант Конституции. URL: <https://constitution.garant.ru/act/judicial-authori/10101207/chapter/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 01.01.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrф.ru/files/14913/> (дата обращения: 01.01.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (дата обращения: 01.01.2026).

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 01.01.2026).

[16] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2025 № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21...». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/ (дата обращения: 01.01.2026).

[17] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — №11. — Ст. 1416.

[18] Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (действующая редакция). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 01.01.2026).

[19] Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части исполнения постановлений ЕСПЧ и связанных процессуальных последствий). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419072/ (дата обращения: 01.01.2026).

[20] Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец; Формула права, 2003. 528 с.

[21] Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. № 3. С. 28–42.

[22] Ултургашев П. Ю. Правовое оформление выхода Российской Федерации из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4. С. 43–51.

References:

[1] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.1998 No. 19-P “On the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (date of access: 01.01.2026).

[2] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2003 No. 418-O “On the complaint of citizen Egorov Andrey Dmitrievich regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 137 and 138 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 22 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 1995, Articles 29 and 198 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 2002” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46133/ (date of access: 01.01.2026).

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 No. 21-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law “On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto”... in connection with the request of a group of State Duma deputies” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (date of access: 01.01.2026).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 No. 12-P “On the case concerning the resolution of the issue of the possibility of executing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the ruling of

the European Court of Human Rights of 4 July 2013 in the case of Anchugov and Gladkov v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/ (date of access: 01.01.2026).

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.01.2017 No. 1-P “On the case concerning the resolution of the issue of the possibility of enforcing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the judgment of the European Court of Human Rights of 31 July 2014 in the case of OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/ (date of access: 01.01.2026).

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (accessed: 01.01.2026).

[7] The Legal Grounds for Judicial Law-Making in Russia: electronic resource // The Institute of Precedent (HSE University). URL: <https://precedent.hse.ru/en/law/> (accessed: 01.01.2026).

[8] Solovieva T.V. On the issue of the binding nature of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Modern Law. 2010. No. 12. pp. 96–100: electronic version // Archive of articles «Modern Law». URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/K-voprosu-ob-obyazannom-haraktere-postanovleniy-Plenum-Verhovnogo-suda-RF> (Accessed: 01.01.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended on 22.06.2021) “On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (Accessed: 01.01.2026).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 (as amended on 23.12.2025) “On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy” // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (date of access: 01.01.2026).

[11] Rarog A. I. On the mandatory nature of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Current issues of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 5 (162). Pp. 104–112.

[12] Federal Constitutional Law of 21.07.1994 No. 1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation” (current version). // Garant of the Constitution. URL: <https://constitution.garant.ru/act/judicial-authori/10101207/chapter/8b7b3c1c76e91f>

88d33c08b3736aa67a/ (date of access: 01.01.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation». // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrp.ru/files/14913/> (date of access: 01.01.2026).

[14] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.1998 No. 19-P «On the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation». // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (date of access: 01.01.2026).

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Courts of the Russian Federation of June 30, 2015, No. 29 “On the practice of applying legislation by courts that ensures the right to defense in criminal proceedings.” // From Legal Services Platform «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (Accessed: 01.01.2026).

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.12.2025 No. 33 «On Amending Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and Recognizing as Invalid the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 No. 21...» // Legal Services Platform

«ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/ (Accessed: 01.01.2026).

[17] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993). // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 11. — Art. 1416.

[18] Federal Constitutional Law of 05.02.2014 No. 3-FKZ «On the Supreme Court of the Russian Federation» (current version). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (date of access: 01.01.2026).

[19] Federal Law of 11.06.2022 No. 183-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (regarding the execution of ECHR judgments and related procedural consequences). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419072/ (date of access: 01.01.2026).

[20] Lazarev L. V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. Moscow: Gorodets; Formula of Law, 2003. 528 p.

[21] Polyakov S. B. Judicial precedent in Russia: a form of law or arbitrariness? // Lex Russica. 2015. No. 3. pp. 28–42.

[22] Ulturgashev P. Yu. Legal registration of the Russian Federation’s withdrawal from the jurisdiction of the European Court of Human Rights // Theory and practice of social development. 2023. No. 4. pp. 43–51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-764X-2026-1-32-39

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования
им. К. Д. Ушинского (<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ivanovasa1@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕЩНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Для определения основных признаков понятий недобросовестного и добросовестного поведения сторон на стадии преддоговорных отношений, авторы статьи рассматривают само понятие добросовестности, определяют, что представляет собой преддоговорная стадия, какие бывают виды преддоговорных соглашений, значение принципа добросовестности для данного вида отношений и реализация его на практике.

Ключевые слова: принцип добросовестности, Гражданский кодекс, преддоговорное соглашение, гражданский оборот, добросовестность сторон.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after
K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>), Professor of the
Department of Constitutional and International Law of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),»
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State Law and
Criminal Law Disciplines of the
Plekhanov PRUE, Honorary lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN PRE-CONTRACTUAL RELATIONS

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

Annotation. To define the key characteristics of the concepts of bad faith and good faith behavior of the parties at the pre-contractual stage, the authors of this article examine the concept of good faith itself, define the pre-contractual stage, the different types of pre-contractual agreements, the importance of the principle of good faith for this type of relationship, and its practical implementation.

Key words: principle of good faith, Civil Code, pre-contractual agreement, civil law, good faith of the parties.

После введения в Гражданский кодекс РФ (далее-ГК РФ) нормы ст.434.1 «Переговоры о заключении договора», которая касается порядка проведения переговоров и вопроса о преддоговорной ответственности в результате нарушения такого порядка, возник целый ряд вопросов как по теоретическому подходу к толкованию, так и по практическому применению её положений.

Для определения основных признаков понятий недобросовестного и добросовестного поведения сторон на стадии преддоговорных отношений, необходимо прежде всего рассмотреть само понятие добросовестности, определить, что представляет собой преддоговорная стадия, какие бывают виды преддоговорных соглашений, значение принципа добросовестности для данного вида отношений и реализация его на практике.

Доподлинно установить, когда началась история конструкции добросовестности, крайне затруднительно. Дождев Д.В. в своей работе «Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип» указывает на возникновение понятия «доброй совести» в юриспруденции ещё в I веке до н.э. в трудах первого систематизатора *ius civile*, основателя европейской юридической науки Квинта Мация Сцевола. Сцевола задавался вопросом: «Что значит добро и что значит поступать по-доброму?» (*Sed, quidsint 'boni', etquidsit 'beneagi', magnaquaestioest*) и говорил, что «величайшей силой обладают те иски, в которых добавляется «на основании доброй совести» (*bona fides*) [1].

В новейшей истории из исследований конструкции добросовестности представляет интерес работа, написанная в 1956 году «К вопросу о теоретико-правовом уточнении § 242 BGB», крупнейшего романиста XX века Франса Виакера (*Franz Wieacker*), в которой он объяснил, какие задачи это понятие решает в современном праве, опираясь на текст Германского гражданского уложения.

Центральная проблема, которую рассматривал Виакер, — отношение судьи к писаному праву и его возможность конкретизировать положение закона, опираясь на принцип добросовестности. В рамках «функциональной теории» Виакера речь идёт о разработке методик и правил, по которым судья мог бы работать с законодательством, балансируя между буквальным толкованием норм и требованиями справедливости [2]. Работа Виакера стала ключевым догматическим обоснованием принципа добросовестности в немецкой доктрине и оказала значительное влияние на развитие

этого понятия в европейском праве. Идеи Виакера легли в основу многих наднациональных унификационных проектов и были кодифицированы в национальном праве европейских стран, включая Россию.

В этой связи можно с уверенностью сказать, что для отечественного гражданского права понятие добросовестности не является новым. Однако с введением первой части ГК РФ использование рассматриваемого понятия значительно расширилось.

В п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [3] указано, что, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации».

На этом основании можно сделать вывод: во-первых - нормы позитивного права обладают существенным недостатком – они рассчитаны на типичные ситуации и не могут учесть все возможные нюансы развития отношений и, во-вторых, - принцип объективной добросовестности позволяет суду скорректировать предусмотренное законом правило, формальное применение которого без учета конкретных специфических обстоятельств даёт несправедливое, а значит неправовое решение. Суд, применяя принцип добросовестности, формулирует правило поведения, которое будет давать справедливое решение не только в рассматриваемой им ситуации с участием конкретных лиц, но и в другой ситуации со сходными обстоятельствами, то есть по сути создаёт норму права.

В части требований к добросовестности поведения сторон статьи 434.1 и 307 ГК РФ во многом повторяют друг друга. Статья 307 ГК РФ (пункт 3) устанавливает, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Статья 434.1 ГК РФ (пункт 2) обязывает стороны при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении действовать добросовестно. В частности, не допускать вступления в переговоры или их продолжения при заведомом отсутствии намерения

достичь соглашения с другой стороной.

Это подтверждается как текстом законов, так и судебной практикой последних лет. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.02.2025 № 307-ЭС24-18161 по делу № А56-2577/2023 [4] прямо указано на взаимосвязь этих норм. Суд напомнил, что стороны обязаны действовать добросовестно, в том числе при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения (пункт 3 статьи 307 ГК РФ). При этом поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения.

В этом деле суд также сослался на пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, который развивает положения о добросовестности, закреплённые в ГК РФ. Это подтверждает, что судебная практика рассматривает статьи 307 и 434.1 ГК РФ как часть единой системы норм, регулирующих добросовестность в гражданских правоотношениях, где законодатель четко закрепил, что стороны должны принимать во внимание интересы друг друга, с чем связана и невозможность без последствий внезапно и неоправданно выйти из переговорного процесса, стороны должны оказывать друг другу помощь и содействие, даже если это прямо не предусмотрено законом или договором (сторона не имеет права в силу принципа добросовестности умолчать об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны), стороны обязаны предоставлять друг другу необходимую информацию, документы.

Итак, можно обозначить следующие критерии отнесения действия стороны при ведении переговоров к добросовестным:

- учет прав и законных интересов сторон;
- оказание необходимого содействия друг другу;

- предоставление необходимой (полной и достоверной) информации.

Международными актами закрепляется необходимость по некоторым отдельным правовым конструкциям предоставлять, или правильнее сказать «раскрывать» («disclose»), информацию не только о товаре/услуге/работе, но и о самой стороне договора. Например, в соответствии с положениями Модельного закона УНИДРУА «О раскрытии информации по договору франчайзинга» сторона (франчайзер) обязана перед совершением сделки – т.е. перед продажей франшизы раскрыть следующую информацию:

- об интеллектуальной собственности франчайзера, права на которую должны быть переданы франчайзи (о товарных знаках, патентах, правах на программное обеспечение, авторских правах);

- дата окончания срока охраны интеллекту-

альных прав;

- описание конъюнктуры рынка товаров или услуг, который является предметом договора

- описание перспектив развития рынка [5].

На наш взгляд, готовность стороны раскрыть информацию о себе, о своей продукции, об оказываемых услугах и т.п. является положительным признаком, и может охарактеризовать потенциального контрагента как добросовестного. Поэтому закрепление необходимости предоставления необходимой информации рассматривается нами как положительный момент в регулировании законодателем вопроса о добросовестности сторон в правоотношении, и в частности, на преддоговорном этапе таких отношений, о чем мы более подробно поговорим во второй и третьей главах настоящей работы.

В ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав», устанавливая запрет на недобросовестное поведение, законодатель очерчивает границы, в рамках которых стороны свободны в совершении действий для реализации предусмотренных законом прав и обязанностей и дает лишь общую характеристику таких «границ».

Важно то, что с закреплением в законе принципа добросовестности, недостаточное «ограждение» юридической нормой того или иного правоотношения не является обоснованием для возможности действовать недобросовестно. Не всегда бывает просто найти грань, за которой действия субъекта могут быть растолкованы как «недобросовестные», но уметь делать это крайне важно. Пункт 3 ст. 17 Конституции РФ также указывает на то, что: «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Так, например, в деле № А40-55981/2023 (решение от 24 июля 2023 г.) суд рассматривал иск. Ответчик подал ходатайство о предъявлении встречного иска на стадии рассмотрения дела по существу, хотя первоначальный иск был принят к производству ещё 27 марта 2023 года. Суд расценил это как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), поскольку у ответчика было достаточно времени для подготовки позиции. Суд отказал в удовлетворении ходатайства, указав, что его подача направлена исключительно на затягивание производства по делу.

В этом случае суд сослался на п. 5 ст. 159 АПК РФ, согласно которому арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства, если они поданы несвоевременно вследствие злоупотребления процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта [6].

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 31 августа 2021 года №32-КГ21-13-К1 рассматривалось дело о защите прав потребителя. В ходе разбирательства

ответчик неоднократно заявлял ходатайства об отводе судьи, которые не были мотивированы и не подкреплены доказательствами. Суд квалифицировал такие действия как злоупотребление процессуальными правами, направленное на затягивание процесса. В результате на ответчика был наложен штраф за неуважение к суду [7].

Несмотря на наличие принципа добросовестности в законодательстве многих стран, закрепление его в национальном законодательстве, наличие большого количества работ, написанных на тему добросовестности, категория «добросовестность» всегда была и остается на настоящий момент оценочной. В каждой конкретной ситуации только суд может доподлинно установить, являлось ли действие стороны недобросовестным.

Любое осуществление права в противоречии с принципом добросовестности, будет расценено судом как злоупотребление правом, при этом не имеет значения – указано ли это в норме, на основании которой строится то или иное гражданское отношение или нет. Но не во всех нормах указание на принцип добросовестности и санкции за нарушение присутствуют.

Осуществление гражданских прав всегда является совокупностью двух моментов: объективного (то, что предписано нормами и принципами права) и субъективного (то, насколько субъект осознает законный или противоправный характер своих действий, отношение субъекта к ситуации). Рассматривая категорию добросовестности как предел осуществления гражданских прав, нужно рассматривать ее и как объективную категорию, и как субъективную. В первом случае мы говорим именно о принципе добросовестности, как об одном из основополагающих начал и правил поведения, предписанных законом. Во втором случае, мы имеем ввиду непосредственно отношение субъекта к своим действиям, действиям третьих лиц, умение субъекта дать правильную правовую характеристику тому или иному гражданско-правовому явлению и увидеть возможные последствия. В литературе место данной правовой категории до сих пор однозначно не определено из-за ее двусмысленности и оценочного характера [8; 9].

Можно сделать вывод, что несмотря на то, что случаи защиты гражданских прав от недобросовестных действий прямо не перечислены в законе, закрепление в некоторых статьях ГК РФ (напр., ст.10, 307, 602, 662 ГК РФ) свидетельствует о том, что современное гражданское право большое значение уделяет принципу добросовестности. Об этом говорит также введение в 2015-ом году ст.343.1 ГК РФ, где говорится о необходимости добросовестного поведения не только при исполнении прав и обязанностей, вытекающих из гражданско-правовых обязательств, но и на стадии, когда такое обязательство только формируется – на так называемой преддоговорной стадии.

Говоря об основных принципах поведения

сторон в гражданском обороте на преддоговорной стадии, в первую очередь необходимо ещё раз упомянуть принцип добросовестности, так как именно он находит свое закрепление в статье, регулирующей порядок поведения сторон на стадии ведения переговоров.

До тех пор, пока статья 434.1 ГК РФ не была введена в действие, у исследователей преддоговорных отношений возникала масса вопросов относительно применения на практике принципа свободы договора в контексте данной статьи. Принцип свободы договора, как это ни противоречиво звучит, может быть реализован и на преддоговорной стадии гражданских отношений, то есть на стадии, когда как такового договора может и не быть. Говоря о данном принципе, в первую очередь представляется возможность участников гражданских правоотношений заключить договор любого содержания, включив в него любые условия, не противоречащие действующему законодательству – таким образом данный принцип начинает действовать ещё когда договор фактически не заключен – стороны могут только договариваться о его существенных условиях, вести переговоры.

Учитывая, что с введением в действие ст.434.1 ГК РФ большое внимание стало уделяться отношениям, возникающим ещё до возникновения основного обязательства, на наш взгляд, интересно будет рассмотреть преддоговорные конструкции, которые помогают контрагентам регулировать свои отношения на преддоговорной стадии. Ст.434.1 ГК РФ закрепляет возможность сторон на стадии ведения переговоров заключить соглашение о порядке переговоров.

На наш взгляд, преддоговорные соглашения являются наиболее непредсказуемым институтом договорного права. Причины, побуждающие стороны заключать преддоговорные соглашения, понятны: это и желание закрепить промежуточный результат, который был достигнут в процессе переговоров, и желание иметь подтверждение со стороны контрагента его действительное намерение заключить впоследствии основной договор. Также важным условием любого предварительного соглашения является согласование в тексте соглашения распределения стоимости расходов, которые понесет сторона в случае, если нарушит условия соглашения (например, начнет параллельно проводить переговоры с другим потенциальным контрагентом) или если захочет прекратить переговорный процесс [10].

А.Фарнсворт при этом отмечал, что преддоговорные конструкции невозможно ограничить закрытым перечнем, и на практике существует большое количество соглашений, которые могут содержать элементы нескольких видов.

Наиболее общее обязательство, по которому стороны обязуются, заключается в добросовестном ведении переговоров. Согласно некоторым прецедентным нормам, эта обязанность ограни-

чивает свободу действий стороны прекратить переговоры тремя способами:

- стороны должны соблюдать предыдущие соглашения на условиях окончательного договора;
- сторонам не разрешается пытаться сорвать сделку;
- сторонам не разрешается пытаться использовать стоимость, уплаченную другой стороной в переговорном процессе.

Следует также учитывать, что существуют другие обязательства, такие как обязательство о соблюдении конфиденциальности. Это обязательство связано с тем, что во многих зарубежных странах у сторон перед заключением договора есть обязанность по раскрытию информации.

Нарушение этих обязательств может дать сторонам право на получение возмещения ущерба.

Отправной точкой развития отношений потенциальных контрагентов являются различного рода «промежуточные» действия по заключению договора и/или совершению сделки: после отправки одной стороной оферты не всегда происходит её безусловный акцепт, иногда стороны вступают в переговорный процесс, в ходе которого решают вопросы об условиях, которые были бы приемлемы для всех. Надежным способом фиксации договоренностей сторон их воли, существенных и иных условий будущего договора на данном этапе является заключение организационных договоров, составление протоколов ведения переговоров на каждой встрече. Нельзя отрицать тот факт, что отношения сторон даже на преддоговорном этапе отличаются наличием в них воли потенциальных контрагентов, именно поэтому данный этап, на наш взгляд, является важным для определения содержания будущего правоотношения.

Вопрос, который часто возникает на практике при рассмотрении документов, подписываемых сторонами на стадии, предшествующей заключению договора, сводится к вопросу определения правовой квалификации такого документа: несет ли он в себе юридическую нагрузку, связывает ли стороны взаимными обязательствами, влечет ли его нарушение ответственность? Именно для того, чтобы ответить на эти вопросы, каждое преддоговорное соглашение необходимо рассматривать и толковать индивидуально, по крайней мере до тех пор, пока переговоры и другие инструменты проведения преддоговорной стадии не станут привычными для российской практики.

Например, в англо-американской системе права, где заключение преддоговорных соглашений и фиксация переговорного процесса – обычное дело, существует презумпция, согласно которой каждый подписанный сторонами документ (независимо от стадии его подписания) имеет обязательный характер, за исключением случаев, когда иное прямо предусмотрено в этом документе [11].

В США для установления юридического содержания документов преддоговорного характера используют толкование, последовательно отвечая на следующие вопросы [12]:

- имеется ли в документе прямо выраженное условие о сохранении стороной (или сторонами) за собой права считать себя свободной от обязательств в отсутствие соответствующего документа о принятии на себя таких обязательств;
- был ли договор исполнен (хотя бы частично);
- были ли согласованы сторонами условия договора (как существенные, так и иные);
- какая форма обязательна для такого рода соглашений;
- поведение и заявление сторон в ходе переговоров (для выяснения этого обстоятельства во внимание принимаются письменные доказательства, такие как переписка сторон, зафиксированные итоги переговоров);

- сложность заключаемой сделки, её стоимость. В англо-саксонском праве при рассмотрении спора, когда стоимостью сделки является имущество или денежные средства в размере «значительном» хотя бы для одной из сторон, суд, как правило, обращает внимание на доказательства в пользу того, что юридическое значение имеет только окончательный договор; если же сделка не является крупной для сторон или совершается в процессе обычной деятельности, суд в большинстве случаев признает преддоговорные соглашения имеющими юридическую силу и обязательными для исполнения [13].

На практике стороны не всегда предвидят последствия, которые возникают при заключении преддоговорных соглашений – концентрируя свое внимание только на положениях, имеющих более важное значение именно для данной стороны (в особенности это относится к сторонам соглашений – физическим лицам и индивидуальным предпринимателям).

Ст. 434.1 ГК РФ предусмотрено всего два варианта привлечения к ответственности на преддоговорной стадии – это взыскание убытков и понуждение к заключению договора. Согласно п. 3 ст. 434.1 ГК РФ, сторона, которая ведёт или прерывает переговоры недобросовестно, обязана возместить другой стороне причинённые этим убытки. К убыткам относятся расходы, понесённые в связи с ведением переговоров, а также убытки, связанные с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

Так, по делу №А40-98757/2018 истец требовал взыскать убытки в размере 520 тыс. руб. за то, что ответчики умолчали о параллельных переговорах с другим покупателем и внезапно прекратили переговоры. Суды трёх инстанций отказали, но Верховный Суд РФ отменил решения, указав, что внезапное и неоправданное прекращение переговоров при обстоятельствах, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать, является недобросовестным действием. ВС РФ

также подчеркнул презумпцию недобросовестности ответчика, если есть обстоятельства, предусмотренные подп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ — в этом случае ответчик должен доказать добросовестность своих действий [14].

Другой пример - дело ООО «Декорт» против ООО «АШАН» (№А41-90214/2016). Арендодатель вёл переговоры с «АШАН» о сдаче складских помещений в аренду. В ходе переговоров истец расторг договоры с прежними арендаторами, чтобы подготовить помещение для ответчика. Однако «АШАН» прекратил переговоры, и истец потребовал возместить упущенную выгоду в виде неполученных арендных платежей. Суды первоначально удовлетворили иск, но впоследствии дело было прекращено. Ключевой вопрос заключался в том, можно ли считать упущенную выгоду убытками по ст. 434.1 ГК РФ [15].

Понуждение к заключению договора возможно, если у ответчика есть обязанность заключить договор в силу закона или ранее достигнутых договорённостей (например, предварительного договора). Например, в деле №5-КГ21-161-К2 гражданка Бортновская требовала понудить Левитскую заключить основной договор купли-продажи дома и земельных участков. Суды нижестоящих инстанций возвратили иск, ссылаясь на правила подсудности, но Верховный Суд РФ указал, что иск имеет обязательственный характер и должен рассматриваться по месту жительства ответчика, а не по месту нахождения имущества [16].

Итак, до введения в действие ст.434.1 ГК РФ преддоговорные отношения в российском законодательстве регулировались недостаточно чётко. Стороны взаимодействовали на этапе переговоров, но правовые механизмы защиты их интересов были размыты. Это создавало риски недобросовестного поведения и затрудняло защиту прав участников. С появлением ст. 434.1 ГК РФ ситуация изменилась. Законодатель прямо закрепил обязанность сторон действовать добросовестно на этапе переговоров, а также установил ответственность за недобросовестное ведение переговоров или их внезапное и неоправданное прекращение. Это повысило легитимность регулирования, так как появились чёткие критерии поведения сторон. Например, запрещено вести переговоры при заведомом отсутствии намерения заключить сделку (ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

Кроме того, была закреплена ответственность за нарушения. Недобросовестная сторона обязана компенсировать убытки второму участнику переговоров, включая расходы на переговоры и упущенную выгоду (ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ). Более того, стало возможным регулировать порядок переговоров через отдельное соглашение. Стороны могут заключить соглашение о порядке ведения переговоров, которое конкретизирует этапы, обмен документами, меры по защите конфиденциальной информации и другие условия (ч.

5 ст. 434.1 ГК РФ).

Таким образом, нормы получили более чёткую правовую основу, что усилило их легитимность и предсказуемость применения. Однако полностью исключить оценочные понятия из регулирования преддоговорных отношений законодателю не удалось. Современное законодательство стремится найти баланс между чёткостью регулирования и необходимостью гибкости. Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25 декабря 2018 года №49 [17] уточнил, что преддоговорная ответственность направлена на восстановление положения потерпевшего, как если бы переговоров с недобросовестным контрагентом не было. Это конкретизирует цель ответственности, но не устраняет полностью оценочные элементы в критериях её наступления.

Таким образом, хотя нормы о преддоговорной стадии стали более легитимными благодаря прямому закреплению обязанностей и ответственности сторон, полностью исключить оценочные понятия из регулирования не удалось из-за специфики самих преддоговорных отношений и необходимости учитывать многообразие практических ситуаций.

Список литературы:

- [1] Дождев Д.В. «Добросовестность (bona fides) как правовой принцип» // Политико-правовые ценности: история и современность. - М., 2000. -С. 96-128.
- [2] Дождев Д.В. Интегративная функция добросовестности в гражданском праве // VK. URL: https://vk.com/wall-217231276_1166 (дата обращения 12.02.2026)
- [3] «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 8, август, 2015.
- [4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2025 N 307-ЭС24-18161 по делу N А56-2577/2023 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-307-es24-18161-po-delu-n-a56-25772023/> (дата обращения 12.02.2026).
- [5] Article 6 (Information to be Disclosed) Committee of governmental experts for the preparation of a model franchise disclosure law. UNIDROIT.// StudyLXVIII – Doc. 41. Rome. 2002.
- [6] Решение от 24 июля 2023 г. по делу № А40-55981/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/010f7XLVJV1T/> (дата обращения 12.02.2026).
- [7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2021 N 32-КГ21-13-К1 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-ot-31082021-n-32-kg21-13-k1/> (дата обращения

12.02.2026).

[8] Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.; Демисева К.И. Пределы добросовестности и начала злоупотребления правом в гражданском праве // Современное право. 2025. N 8. С. 84 – 92.

[9] Вердиян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судебское усмотрение и процессуальные приемы его реализации // Мировой судья. 2019. N 1. С. 28 – 40.

[10] Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) // Право и экономика. 2015. № 12. С. 39.

[11] Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М., 1991. С. 55.

[12] Judge Leval in Teachers Insurance & Annuity Ass'n v. Tribune Co. 4. 670 F. Supp. 491 (S.D.N.Y. 1987).

[13] Skycom Corp. v. Telstar Corp. 814 F. 2d 810, 816 (Cir. 1987).

[14] ВС перечислил недобросовестные действия потенциального контрагента при проведении переговоров по сделке // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-perechislil-nedobrosovestnye-deystviya-potentsialnogo-kontragenta-pri-provedenii-peregovorov-po-sdelke/> (дата обращения 12.02.2026).

[15] Можно ли взыскать упущенную выгоду за срыв переговоров? // Акцион Право. URL: <https://www.law.ru/article/27255-mojno-li-vzyskat-upushchennuyu-vygodu-za-sryv-peregovorov/> (дата обращения 12.02.2026).

[16] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 5-КГ21-161-К2 Дело о понуждении к заключению основного договора передано в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии иска к производству, поскольку по иску не заявлено материально-правовых требований относительно объектов недвижимости, указанных в предварительном договоре, требования основаны на нормах федерального законодательства, которые возлагают на ответчика обязанность по заключению основного договора, последствием удовлетворения иска является установление обязательственной связи сторон, в связи с чем иск не относится к искам о правах на недвижимое имущество, с которыми закон связывает правило о подсудности споров // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403191631/> (дата обращения 12.02.2026).

[17] «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2019.

References:

[1] Dozhdev D.V. «Good Faith (bona fides) as a Legal Principle» // Political and Legal Values: History and Modernity. - Moscow, 2000. - pp. 96-128.

[2] Dozhdev D.V. Integrative Function of Good

Faith in Civil Law // VK. URL: https://vk.com/wall-217231276_1166 (accessed on 12.02.2026)

[3] «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 8, August 2015.

[4] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.02.2025 No. 307-ES24-18161 in case No. A56-2577/2023 // UIS Legalact. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-307-es24-18161-po-delu-n-a56-25772023/> (Accessed 12.02.2026).

[5] Article 6 (Information to be Disclosed) Committee of governmental experts for the preparation of a model franchise disclosure law. UNIDROIT.// StudyLXVIII – Doc. 41. Rome. 2002.

[6] Decision of 24 July 2023 in case No. A40-55981/2023 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/010f7XLVJV1T/> (accessed on 12.02.2026).

[7] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.08.2021 N 32-KG21-13-K1 // UIS Legalact. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-ot-31082021-n-32-kg21-13-k1/> (accessed on 12.02.2026).

[8] Lukyanenko M.F. Evaluation Concepts of Civil Law: Reasonableness, Good Faith, Materiality. M.: Statut, 2010. 423 p.; Demisheva K.I. Limits of Good Faith and the Principles of Abuse of Rights in Civil Law // Modern Law. 2025. No. 8. pp. 84–92.

[9] Verdiyan G.V. The Principle of Good Faith in the Civil Law of Russia: Judicial Discretion and Procedural Techniques for Its Implementation // Magistrate. 2019. No. 1. pp. 28–40.

[10] Egorova M.A. Negotiations on Concluding an Agreement (Commentary to Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation) // Law and Economics. 2015. No. 12. p. 39.

[11] Komarov A.S. Liability in Commercial Turnover. M., 1991. P. 55.

[12] Judge Leval in Teachers Insurance & Annuity Assn v. Tribune Co. 4. 670 F. Supp. 491 (S.D.N.Y. 1987).

[13] Skycom Corp. v. Telstar Corp. 814 F. 2d 810, 816 (Cir. 1987).

[14] The Supreme Court listed the unfair actions of a potential counterparty during transaction negotiations // Advocate Newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-perechislil-nedobrosovestnye-deystviya-potentsialnogo-kontragenta-pri-provedenii-peregovorov-po-sdelke/> (accessed 12.02.2026).

[15] Is it possible to recover lost profits for the breakdown of negotiations? // Aktion Pravo. URL: <https://www.law.ru/article/27255-mojno-li-vzyskat-upushchennuyu-vygodu-za-sryv-peregovorov/> (date of access 12.02.2026).

[16] Determination of the Civil Cases Division of

the Supreme Court of the Russian Federation dated December 14, 2021 No. 5-KG21-161-K2 The case on coercion to conclude the main contract was transferred to the court of first instance to decide on the acceptance of the claim for proceedings, since the claim does not state substantive claims regarding the real estate specified in the preliminary contract, the claims are based on the norms of federal legislation that impose on the defendant the obligation to conclude

the main contract, the consequence of satisfying the claim is the establishment of an obligatory relationship between the parties, and therefore the claim does not apply to claims for rights to real estate, with which the law binds the rule on the jurisdiction of disputes // Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403191631/> (date of access 12.02.2026).

[17] «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», No. 2, February 2019.

МАКСИМЛЮК Екатерина Андреевна,
ФГБОУ ВО «Российская Государственная Академия
Интеллектуальной Собственности»,
117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а,
e-mail: mail@law-books.ru

СОАВТОРСТВО В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧЕРЕЗ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому исследованию института соавторства в условиях тотальной информатизации и повсеместного распространения облачных технологий. В фокусе внимания находится специфика возникновения, осуществления и защиты авторских прав при трансграничном создании объектов интеллектуальной собственности с использованием специализированных цифровых онлайн-платформ. Рассматриваются проблемы девальвации классических критериев совместного творческого труда в парадигме асинхронного распределенного взаимодействия. Анализируется правовая природа пользовательских соглашений в качестве квазинормативных регуляторов отношений соавторов, исследуются коллизионно-правовые аспекты определения применимого права к произведениям, объективированным в децентрализованной виртуальной среде. Обосновывается необходимость модернизации норм международного частного права и национального цивилистического инструментария для целесообразного регулирования сетевых форм коллаборативного творчества.

Ключевые слова: авторское право, соавторство, цифровая экономика, онлайн-платформы, международное частное право, коллизионное регулирование, интеллектуальная собственность, исключительное право, трансграничные отношения, смарт-контракты.

MAKSIMLYUK Ekaterina Andreevna,
Russian State Academy of Intellectual Property

CO-AUTHORSHIP IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: CROSS-BORDER CREATION OF WORKS THROUGH ONLINE PLATFORMS

Annotation. This article provides a comprehensive theoretical and legal study of the institution of co-authorship in the context of widespread informatization and the widespread adoption of cloud technologies. It focuses on the specifics of the emergence, implementation, and protection of copyright in the cross-border creation of intellectual property using specialized online digital platforms. The article examines the devaluation of classical criteria for collaborative creative work in the paradigm of asynchronous distributed interaction. The legal nature of user agreements as quasi-normative regulators of co-authorship relations is analyzed, and the conflict-of-laws aspects of determining the applicable law to works objectified in a decentralized virtual environment are explored. The need to modernize the norms of international private law and national civil law instruments for the appropriate regulation of online forms of collaborative creativity is substantiated.

Key words: copyright, co-authorship, digital economy, online platforms, international private law, conflict-of-laws regulation, intellectual property, exclusive rights, cross-border relations, smart contracts.

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий в третьем десятилетии XXI века привело к фундаментальной трансформации механизмов создания результатов интеллектуальной деятельности. Переход от парадигмы локализованного творческого труда к экстерриториальному облачному взаимодействию, значительно ускорившийся на фоне глобальных пандемийных ограничений и последующего за-

крепления дистанционных форматов работы, выявил существенные пробелы в классическом авторском праве [4, с. 21]. Традиционная концепция авторского права, базирующаяся на положениях Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и национальных кодификациях, изначально конструировалась исходя из презумпции физического, пространственно ограниченного акта творения. Современная цифровая реальность диктует иные условия: процесс создания произведения все чаще

приобретает распределенный, асинхронный и трансграничный характер. Инфраструктурным базисом данного процесса выступают специализированные онлайн-платформы, интегрированные среды разработки, облачные графические и текстовые редакторы, а также системы контроля версий. Подобные технологии позволяют неограниченному числу лиц, являющихся гражданами различных государств, одновременно или последовательно вносить творческий вклад в единый развивающийся объект. В связи с этим институт соавторства, выступавший одним из наиболее консервативных элементов права интеллектуальной собственности, сталкивается с концептуальными вызовами. Актуализация проблематики настоящего исследования обусловлена необходимостью системного разрешения догматических противоречий между строгим территориальным принципом охраны прав, национально-специфичными критериями легитимации соавторов и экстерриториальной технико-правовой природой интернет-платформ, выступающих средой современного коллаборативного творчества.

Методы

Достижение поставленной цели исследования обеспечивается применением комплекса обще- и частнонаучных методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть трансформацию института соавторства в условиях цифровизации. Формально-юридический метод применялся для анализа норм российского и международного права. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении различных подходов к регулированию цифрового соавторства в зарубежных правовых системах. Системный анализ позволил исследовать взаимосвязь авторского права, цифровых платформ и международного частного права. Также применялись методы правового моделирования и анализа научной доктрины для выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Основное исследование

В соответствии с классической цивилистической доктриной и буквой статьи 1258 Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами вне зависимости от того, образует ли такое произведение неразрывное целое либо состоит из частей, обладающих самостоятельным значением [1]. Юридическим фундаментом института соавторства выступают два кумулятивных критерия: наличие творческого характера труда каждого из субъектов и совместность их действий. Совместность традиционно интерпретируется правоприменительной практикой как наличие прямого или подразумеваемого соглашения о создании единого завершенного произведения. Однако при переносе данных критериев в цифровую среду выявляется их очевидная семантическая и практическая

недостаточность [5, с. 112].

Первоочередной теоретической проблемой является имманентное размывание границ между сугубо техническим содействием и интеллектуальным творческим вкладом. Современные платформы коллаборации предоставляют пользователям не просто чистый цифровой холст, а сложный набор инструментов, включающий встроенные алгоритмы, программные шаблоны, пресеты и, что особенно актуально в последние годы, модули генеративного искусственного интеллекта. Подобные модули способны автоматически компилировать, дорабатывать или безразрывно интегрировать разрозненные фрагменты, созданные независимыми пользователями. В подобных условиях возникает принципиальный догматический вопрос относительно того, насколько итоговый результат компиляции множества микро-вкладов, структурированный при определяющем участии платформенных алгоритмов, удовлетворяет критерию самостоятельного творческого характера [8, с. 54]. Отечественная и зарубежная правовая наука исходит из постулата, согласно которому машинный код или искусственная нейронная сеть субъектами авторского права выступать не могут в силу отсутствия правосубъектности [2, с. 89]. Следовательно, когда алгоритм платформы формирует финальную объективную конфигурацию произведения на основе разрозненных пользовательских данных, установление индивидуального творческого вклада конкретного физического лица трансформируется в сверхсложную задачу технико-правовой экспертизы, с которой традиционный судебный процесс справляется крайне неэффективно.

Вторым аспектом деформации классических подходов является изменение сущности критерия «совместности» действий. В классическом понимании соавторы осознают факт совместной работы, осуществляют коммуникацию и направляют согласованную волю на достижение общего предвидимого результата. В парадигме современных онлайн-платформ взаимодействуют принципиально иные механизмы. Платформы, функционирующие на принципах открытого исходного кода или массового краудсорсинга, предполагают возможность асинхронного внесения изменений. Пользователи могут добавлять фрагменты кода, редактировать текст или модифицировать трехмерные модели, не вступая в какие-либо персонализированные контакты с предшествующими или последующими контрибьюторами [7, с. 140]. Субъекты такого процесса зачастую не обладают информацией о личности друг друга, а их волеизъявление, направленное на участие в совместном проекте, объективируется исключительно путем акцепта стандартного пользовательского соглашения при регистрации учетной записи. Несмотря на то, что законодательство подавляющего большинства развитых правовых систем устанавливает требования к обязательной пись-

менной форме соглашения о соавторстве, фактическое отсутствие осознанного межличностного консенсуса о совместной творческой цели ставит под сомнение корректность применения к таким отношениям традиционного режима солидарного или долевого распределения исключительных прав.

Для четкого понимания механизмов трансграничного цифрового соавторства необходимо отказать от восприятия онлайн-платформ в качестве индифферентных технических посредников или простых провайдеров услуг хостинга. В контексте создания и оборота объектов интеллектуальной собственности платформы выступают активными и властными регуляторами правоотношений. Предоставляя инфраструктуру для совместной интеллектуальной деятельности, корпорации агрегируют в своих руках функционал частного правотворчества. Основным инструментом такого негосударственного регулирования становятся пользовательские соглашения, представляющие собой договоры присоединения с жестко детерминированными условиями, не подлежащими переговорной корректировке со стороны пользователей [6, с. 215].

Правовая конструкция, возникающая при использовании облачных сервисов группой лиц из разных стран, характеризуется высокой степенью сложности. Отношения между фактически соавторами не регулируются двусторонними консенсуальными соглашениями, а опосредуются перекрестными связями, где каждый участник состоит в индивидуальных договорных отношениях исключительно с оператором платформы. Часто правила сервиса содержат императивные оговорки, предопределяющие судьбу исключительных прав на совместно создаваемый контент. Распространенной практикой является включение в текст соглашений презумпции автоматического и безвозмездного предоставления глобальной перекрестной лицензии на вносимые творческие изменения между всеми участниками проекта, а также предоставление безотзывной сублицензируемой лицензии самой платформе [3, с. 177].

С позиций цивилистической науки подобная архитектура формирует своеобразную правовую фикцию соглашения о соавторстве. Воля субъектов де-факто направлена на получение доступа к техническому функционалу сервиса, а не на тонкое урегулирование взаимоотношений со случайными коллабораторами. Эта ситуация порождает фундаментальные проблемы на стадии правоприменения, особенно в тех случаях, когда национальное законодательство одного из авторов содержит императивные нормы, направленные на защиту творца как слабой стороны договора. Многие правовые порядки континентальной правовой семьи устанавливают жесткие ограничения на безвозмездное отчуждение прав на будущие произведения или запрещают отказ от права на

отзыв предложенного произведения. Встречаясь с положениями глобальных американских или транснациональных платформ, базирующихся на свободе договора в рамках англосаксонской правовой системы, такие национальные нормы порождают трудноразрешимые конфликты квалификаций. Кроме того, стандартизированное платформенное регулирование игнорирует тонкую дифференциацию соавторства на раздельное и нераздельное, механистически применяя к любым видам совместных работ унифицированный режим. Это неизбежно влечет за собой правовую неопределенность при любых попытках независимой коммерциализации созданного цифрового продукта за пределами экосистемы конкретной платформы.

Ключевым и наиболее сложным аспектом исследования трансграничного соавторства является определение применимого права. Создание произведений посредством международных облачных сетей генерирует беспрецедентную множественность коллизионных привязок [9, с. 88]. В единый правовой процесс оказываются одновременно втянуты юрисдикции стран гражданства, domicilio или обычного места пребывания каждого из многочисленных соавторов, порядок страны инкорпорации технологической компании, обеспечивающей работу платформы, а также нормы государств, на территории которых физически располагаются серверные мощности, фиксирующие объективную форму результатов интеллектуальной деятельности.

Базовым принципом, пронизывающим ткань международного авторского права, выступает критерий *lex loci protectionis*, подразумевающий применение материального права того государства, в компетентных органах которого требуется правовая охрана. Данный принцип, имплементированный в Бернскую конвенцию, исторически доказывал свою эффективность при решении вопросов об объеме предоставляемых прерогатив, сроках действия исключительных прав и доступных способах судебной защиты. Тем не менее, в контексте трансграничного платформенного соавторства этот механизм демонстрирует очевидную стагнацию, поскольку он не содержит адекватного алгоритма для определения первоначального обладателя прав и правовой квалификации самого юридического факта создания совместного произведения [10, с. 142]. Для решения вопроса о том, кого именно следует считать первоначальным автором или совокупностью соавторов, современная доктрина международного частного права предлагает обращаться к закону страны происхождения произведения (*lex originis*).

Однако при попытке применить алгоритм *lex originis* к цифровым сущностям правоприменитель сталкивается с непреодолимым догматическим барьером. Установление страны происхождения произведения, созданного де-

централизованной группой лиц и впервые объективированного в глобальной сети Интернет без какой-либо специфической географической привязки, превращается в юридическую абстракцию [6, с. 220]. Бернская конвенция предлагает сложную матрицу критериев, отдавая приоритет месту первого опубликования. В случае выпуска цифрового продукта в интернет-среде некоторые исследователи предлагают считать страной происхождения место нахождения серверов агрегатора или страну регистрации доменного имени. Такой механистический подход является категорически неприемлемым, поскольку он абсолютно оторван от реальной социально-экономической связи авторов с правопорядком и допускает злоупотребления в виде искусственного перемещения серверов в юрисдикции с минимальным уровнем охраны авторских прав («data havens»).

Положение усугубляется существенными расхождениями национальных материальных норм, регламентирующих институт соавторства. Наиболее яркий рубеж пролегает между англо-саксонской и континентальной правовыми семьями. В юрисдикциях общего права для квалификации произведения как совместного критически важным является изначальное и взаимное намерение авторов объединить свои вклады в единое неразрывное целое в момент их создания. Если один участник проекта проживает в юрисдикции континентального права, а другой является резидентом государства системы общего права, и они совместно пишут фрагмент компьютерного кода на международном сервисе хостинга IT-проектов, конфликт правовых квалификаций становится неизбежным [4, с. 38]. По праву одной страны их деятельность может быть расценена как создание составного или производного произведения независимыми авторами, по праву другой — как классическое соавторство, предполагающее долевое или совместное владение имущественными правами. Как следствие, один и тот же виртуальный объект интеллектуальной собственности приобретает мерцающий правовой статус: субъектный состав его правообладателей будет радикально меняться в зависимости от того, суд какого суверенного государства примет спор к рассмотрению.

Нивелирование физических пространственных границ при трансграничном создании произведений естественным образом влечет за собой необходимость пересмотра способов формальной фиксации авторства. Традиционные законодательные презумпции авторства, закрепляющие статус автора за лицом, имя которого указано на оригинале или экземпляре произведения, в условиях сетевой платформенной среды работают с очевидными догматическими и практическими сдвоями [8, с. 65].

Фундаментальным препятствием для беспрепятственного функционирования авторского права в интернете является укоренившаяся культура

анонимности и использование цифровых псевдонимов. Значительная часть пользователей платформ для совместной работы принципиально не раскрывает свои верифицированные персональные данные. При эскалации конфликта относительно распределения роялти от монетизации совместно созданного продукта или при выявлении факта нарушения исключительных прав третьими лицами бремя доказывания тождественности между физическим субъектом права и цифровым профилем ложится на заинтересованную сторону. Судебная практика в различных юрисдикциях демонстрирует противоречивые подходы к оценке цифровых следов. IP-адреса, метаданные файлов, логи сессий и фрагменты электронной переписки признаются допустимыми электронными доказательствами, однако развитие технологий виртуальных частных сетей и средств криптографической защиты трафика позволяет легко компрометировать или модифицировать эти данные, нивелируя их доказательственную ценность [7, с. 145].

Среды совместной разработки генерируют колоссальные массивы системных метаданных, включающих истории изменений, ветвления версий и поминутные журналы активности каждого аккаунта. Теоретически данный цифровой след способен с беспрецедентной точностью восстановить хронологию творческого процесса и вычленив объем творческого вклада любого соавтора. Тем не менее, юридическая сила внутриплатформенной телеметрии остается дискуссионной. Национальные суды регулярно сталкиваются с необходимостью назначения сложных компьютерно-технических экспертиз для подтверждения того факта, что системные часы платформы не были рассинхронизированы, а базы данных не подвергались несанкционированному административному вмешательству. Решение данной проблемы видится в разработке единых международных стандартов технологического аудита платформ, предоставляющих услуги в сфере совместного создания результатов интеллектуальной деятельности.

Особое место в научном дискурсе последних лет отводится потенциалу технологии распределенных реестров и архитектуре смарт-контрактов. Интеграция блокчейн-решений в функционал платформ совместного творчества позволяет фиксировать каждый итеративный шаг в создании произведения с помощью необратимого криптографического хеширования [5, с. 119]. Такая система формирует надежную и независимую от владельца платформы цифровую презумпцию первенства, времени обнародования и структурной неизменности вклада контрибьютора. Внедрение смарт-контрактов предоставляет беспрецедентные возможности для алгоритмического преодоления транзакционных издержек. При правильной программной проработке смарт-контракт способен автоматически,

без участия посредников, распределять лицензионные платежи между всеми соавторами цифрового актива в пропорциях, соразмерных их первоначальному кодовому или текстовому вкладу, игнорируя традиционные банковские ограничения и юрисдикционные барьеры. Однако полномасштабная имплементация подобных инноваций в жесткую ткань цивилистического процесса тормозится отсутствием гармонизированного законодательства о допустимости криптографических записей в качестве неопровержимых фактов в судебных инстанциях.

Специфическим продуктом цифровой эпохи, требующим отдельного научно-практического осмысления, является феномен массового открытого соавторства. Данная форма интеллектуальной кооперации имманентно присуща масштабным краудсорсинговым инициативам, проектам по созданию свободного программного обеспечения, открытым базам данных и общедоступным сетевым энциклопедиям. В подобных экосистемах количество независимых субъектов, осуществляющих творческий вклад в единый развивающийся объект, зачастую исчисляется десятками и сотнями тысяч человек [2, с. 94]. Применение к такого рода процессам ортодоксальной конструкции соавторства, императивно требующей получения единогласного согласия всех без исключения участников на распоряжение исключительным правом или внесение существенных изменений, неминуемо провоцирует кризис гражданского оборота. В правовой науке данное явление получило наименование «трагедии антикоммонов» - ситуации, при которой избыточное дробление правомочий между неисчислимым множеством лиц ведет к полной стагнации и невозможности любого рационального и коммерчески оправданного использования информационного ресурса [9, с. 91].

В контексте реальной практики онлайн-платформы пытаются устранять последствия данной проблемы посредством инкорпорирования механизмов стандартизированного открытого лицензирования. Инструментарий свободных лицензий обеспечивает базис для легального функционирования массовых проектов. Однако эти частно-правовые договорные конструкции не способны в полной мере компенсировать пробелы в публично-правовом регулировании.

Острая фаза кризиса наступает в момент прекращения финансирования или ликвидации компании-оператора конкретной платформы. Если проект закрывается, а пользовательские соглашения утрачивают силу или изменяются правопреемником сервиса, гигантские массивы уникального, коллективно созданного цифрового контента автоматически переходят в статус сиротских произведений [3, с. 180]. Объекты интеллектуальной собственности, в отношении которых невозможно доподлинно идентифицировать или локализовать хотя бы часть группы соавто-

ров, оказываются заблокированными для легального вторичного использования, архивирования или переработки институтами памяти. В ситуации трансграничного платформенного соавторства легализация сиротского статуса требует от потенциального пользователя проведения тщательного поиска правообладателей в соответствии с законодательными критериями сразу нескольких суверенных государств, что на практике является нереализуемой задачей. Отсутствие надежного международного инструментария, регламентирующего управление сиротскими цифровыми активами сложного субъектного состава, создает критическую угрозу для сохранения культурного кода и научного наследия информационной цивилизации.

Проведенное исследование правовых основ и прикладных механизмов позволяет с уверенностью констатировать, что текущая международно-правовая и внутрисударственная архитектура института соавторства находится в глубоком концептуальном диссонансе с реалиями цифровой экономики. Априорный территориальный принцип предоставления охраны и классические цивилистические способы установления факта совместного творческого труда не способны адекватно описать и защитить отношения распределенного интеллектуального взаимодействия, опосредуемого частными алгоритмами.

Возникновение трансграничного платформенного соавторства свидетельствует о формировании качественно иного типа социально-экономических отношений, регулирование которых с помощью традиционных коллизионных привязок (например, *lex loci protectionis*) не обеспечивает должного уровня правовой определенности и предсказуемости гражданского оборота [10, с. 145]. Существующие подходы провоцируют конфликты юрисдикций, фрагментацию исключительных прав и незащищенность авторов перед лицом глобальных технологических корпораций, диктующих условия через безальтернативные пользовательские соглашения.

Для разрешения выявленного комплекса противоречий представляется необходимым проведение глубокой модернизации правового инструментария на нескольких уровнях. В плоскости международного частного права назрела необходимость разработки дополнительного протокола к Бернской конвенции или принятия самостоятельной конвенции под эгидой Всемирной организации интеллектуальной собственности, которая бы ввела специализированные коллизионные правила для произведений, созданных в виртуальной децентрализованной среде. Наиболее перспективным направлением видится расширительное применение принципа автономии воли сторон (*lex voluntatis*). Подчинение статуса совместно созданного цифрового объекта праву, избранному в рамках платформенного соглашения, способно снять проблему фрагментации

авторства при условии имплементации императивных международных гарантий, блокирующих недобросовестные поглощения прав авторов платформой.

На уровне национального гражданского законодательства, включая нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, требуется закрепление специфики массового открытого соавторства. Целесообразно введение законодательных презумпций, допускающих мажоритарный принцип распоряжения правами на произведения, созданные масштабными группами лиц при невозможности выявления всех участников. Важнейшим шагом должно стать нормативное признание технологической достоверности внутрисайтовой аналитики и криптографических записей распределенных реестров в качестве допустимых первоисточников доказательств авторства. Только комплексная, догматически выверенная трансформация авторского права с учетом экстерриториальности и алгоритмичности платформ совместной работы позволит выстроить сбалансированную и справедливую систему поощрения инноваций и защиты интеллектуального труда в цифровую эпоху.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что развитие цифровых технологий и распространение онлайн-платформ существенно трансформировали традиционный институт соавторства. Современные формы распределенного и трансграничного творческого взаимодействия выходят за пределы классических конструкций авторского права, сформированных в условиях территориально локализованного создания произведений. Использование облачных сервисов, систем совместной разработки и алгоритмических инструментов приводит к размыванию критериев совместного творческого труда, усложняет определение объема авторского вклада и создает новые проблемы квалификации правоотношений между участниками цифрового сотрудничества.

Проведенный анализ подтвердил, что действующие механизмы международного частного права и национального законодательства не обеспечивают достаточной правовой определенности при регулировании трансграничного цифрового соавторства. Особую сложность вызывают вопросы определения применимого права, распределения исключительных прав и фиксации авторства в условиях децентрализованной виртуальной среды. Дополнительные риски возникают вследствие доминирующей роли пользовательских соглашений онлайн-платформ, фактически выполняющих функции квазинормативного регулирования.

В ходе исследования установлено, что существующие коллизионные привязки и традиционные подходы к регулированию соавторства

нуждаются в адаптации к реалиям цифровой экономики. Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования являются развитие международной унификации норм, расширение применения принципа автономии воли сторон, нормативное признание электронных доказательств и криптографических способов фиксации авторства, а также создание специальных механизмов регулирования массового открытого соавторства.

Таким образом, эффективная защита интеллектуальных прав в цифровой среде требует комплексной модернизации как международно-правового, так и национального правового инструментария. Формирование гибкой и технологически адаптированной модели регулирования позволит обеспечить баланс интересов авторов, пользователей и цифровых платформ в условиях глобализации творческой деятельности.

Список литературы:

- [1] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (с изменениями на 28 сентября 1979 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 12.02.2026).
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
- [3] Близнец И. А., Радаева Е. А. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху. М.: Проспект. – 2022. – 256 с.
- [4] Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция – 2020. – 552 с.
- [5] Гаврилов Э. П. Проблемы коллизионного права интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. – 2021. – № 5. – С. 19-39.
- [6] Дмитрик Р. Я. Гражданско-правовое регулирование отношений в сети Интернет: вопросы юрисдикции и применимого права. М.: Статут. – 2023. – 288 с.
- [7] Луткова О. В. Трансграничные авторские отношения: материально-правовое и коллизионное регулирование в эпоху цифровизации. М.: Проспект. – 2021. – 312 с.
- [8] Рожкова М. А. Развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики. М.: Статут. – 2022. – 340 с.
- [9] Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование в условиях цифровой экономики. М.: Статут. – 2020. – 640 с.
- [10] Синельникова В. Н. Оборот исключительных прав в цифровой среде // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 85-98.
- [11] Чурилов А. Ю. Международное частное

право и охрана интеллектуальной собственности в интернете. М.: Юстицинформ. – 2021. – 204 с.

References:

[1] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 9 September 1886 (as amended on 28 September 1979) // Electronic Fund of Legal and Normative-Technical Documentation. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (accessed: 12.02.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 30.01.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496.

[3] Bliznets I. A., Radaeva E. A. Intellectual Property in the Digital Age. Moscow: Prospect. – 2022. – 256 p.

[4] Voynikanis E. A. Intellectual Property Law in the Digital Age: A Paradigm of Balance and Flexibility. Moscow: Jurisprudence – 2020. – 552 p.

[5] Gavrillov E. P. Problems of Conflict of Laws in

Intellectual Property // Patents and Licenses. – 2021. – No. 5. – pp. 19-39.

[6] Dmitrik R. Ya. Civil Law Regulation of Relations on the Internet: Issues of Jurisdiction and Applicable Law. Moscow: Statut. – 2023. – 288 p.

[7] Lutkova O. V. Cross-Border Copyright Relations: Substantive and Conflict of Laws Regulation in the Age of Digitalization. Moscow: Prospect. – 2021. – 312 p.

[8] Rozhkova M. A. Development of the Institute of Intellectual Property in the Context of Digitalization of the Economy. M.: Statut. – 2022. – 340 p.

[9] Savelyev A. I. E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation in the Context of the Digital Economy. M.: Statut. – 2020. – 640 p.

[10] Sinelnikova V. N. Circulation of Exclusive Rights in the Digital Environment // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 2. – Pp. 85-98.

[11] Churilov A. Yu. International Private Law and Intellectual Property Protection on the Internet. M.: Yustitsinform. – 2021. – 204 p.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-764X-2026-1-47-49

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

ГРИГОРЬЕВ Евгений Геннадьевич,
аспирант 2 курса Юридического факультета
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»,
тел.: +79523114150,
e-mail: grigorev420@bk.ru

Научный руководитель:
АНТОНОВА Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
тел.: +78352419757,
e-mail: cheb@ruc.su

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ДОПЕТРОВСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В статье проводится комплексный историко-правовой анализ эволюции системы местного управления в России с древнейших времён до начала XVIII века. Исследуются правовые основы и организационные формы местного управления: вечевые институты, княжеское правление, система кормлений, губное и земское самоуправление. Особое внимание уделяется влиянию процессов централизации власти на трансформацию местных институтов. На основе анализа нормативных актов (Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 годов, Соборного уложения 1649 года, уставных грамот) и исторических исследований выявляются преемственность и изменения в механизмах управления. Делаются выводы о роли местного управления в формировании централизованного государства и его значении для последующих петровских реформ.

Ключевые слова: местное управление, вече, воевода, централизация власти, губная реформа, земская реформа.

GRIGORYEV Evgeny Gennadievich,
Second-year postgraduate student, Faculty of Law,
Cheboksary Cooperative Institute (branch)
Autonomous Non-Commercial Educational Organization
of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation
«Russian University of Cooperation»

Academic Supervisor:
ANTONOVA Elena Ivanovna,
Candidate of Law, Associate Professor

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN RUSSIA OF THE PRE-PETRINE PERIOD

Annotation. The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of the local government system in Russia from ancient times to the beginning of the XVIII century. The article examines the legal foundations and organizational forms of local government: veche institutions, princely government, feeding system, provincial and zemstvo self-government. Special attention is paid to the impact of the processes of centralization of power on the transformation of local institutions. Based on the analysis of normative acts (Russian Truth, Sudebnikov 1497 and the 1550s, the Cathedral Code of 1649, and the charters) historical research reveals continuity and changes in management mechanisms. Conclusions are drawn about the role of local government in the formation of a centralized state and its significance for subsequent Peter's reforms.

Key words: local government, veche, governor, centralization of power, provincial reform, zemstvo reform.

Система воеводского управления, сложившаяся в России к началу XVIII столетия, представляла собой сложный механизм государственного администрирования. Воеводы ведали военными, административными, полицейскими, судебными, финансовыми и поместными делами, управляя территориями через приказные избы, которые позже были переименованы в воеводские канцелярии. Их деятельность охватывала все аспекты жизни вверенных им уездов, что требовало серьезной модернизации в условиях стремительных преобразований российского государства.

Изучение системы местного управления допетровской России имеет фундаментальное значение для понимания процессов становления российской государственности и формирования административных традиций. В этот период закладывались основы территориального деления, формировались механизмы взаимодействия центра и регионов, создавались правовые нормы, регулирующие деятельность местных органов власти. Цель статьи — провести комплексный историко-правовой анализ эволюции местного управления с древнейших времён до начала XVIII века, опираясь на нормативные акты и исследования отечественных историков.

1. Древнерусский период (IX–XIII вв.)

На ранних этапах развития древнерусского государства местное управление сочетало элементы общинного самоуправления и княжеской власти. Ключевую роль играли вечевые собрания — народные сходы, решавшие вопросы войны и мира, выборов должностных лиц, распределения ресурсов. Как отмечает В. О. Ключевский, вечевые традиции были особенно сильны в Новгороде и Пскове, где сложилась своеобразная республиканская форма правления [3, с. 264].

Князь, опираясь на дружину и местную знать, осуществлял административные, судебные и военные функции. На местах его власть представляли наместники и волостели, содержавшиеся за счёт местного населения (система кормлений). Правовая основа местного управления формировалась на базе обычного права и первых письменных источников, таких как «Русская Правда», которая, по мнению С. В. Юшкова, заложила основы судебной системы и регулировала имущественные отношения [12, с. 138].

2. Период раздробленности (XII–XV вв.)

Феодалная раздробленность привела к усилению роли местных князей и боярских советов. В Новгороде и Пскове сохранялись вечевые институты, избирались посадники, тысяцкие, архиепископы. В других землях усиливалась княжеская власть, опиравшаяся на дворцово-вотчинную систему управления.

Правовые основы местного управления закреплялись в уставных грамотах, договорах с князьями, местных судебниках. Например, Новгородская и Псковская судные грамоты, как указывает И. Д. Беляев, регламентировали полномочия должностных лиц, порядок судопроизводства, имущественные отношения, отражая специфику местного самоуправления [1, с. 612].

3. Формирование централизованного государства (XV–XVI вв.)

Объединение русских земель вокруг Москвы сопровождалось реформированием системы местного управления. Иван III и Василий III ликвидировали вечевые институты в покорённых землях, заменяя их наместничьим управлением. Однако система кормлений порождала злоупотребления, что вызывало жалобы населения.

Судебник 1497 года, как отмечает А. Д. Градовский, ограничил власть наместников, ввёл нормы, регулирующие переход крестьян в Юрьев день, установил единые правила судопроизводства. Это стало шагом к унификации местного управления на всей территории государства [2, с. 403].

М. Н. Тихомиров подчёркивает, что данный документ заложил основы для дальнейшей централизации власти [10, с. 81].

4. Губная и земская реформы (XVI в.)

В правление Ивана IV Грозного были проведены реформы, изменившие систему местного управления:

- Губная реформа передала часть судебных функций от наместников выборным губным старостам, избиравшимся из местных дворян. Они ведали делами о разбоях и татьбе, что способствовало борьбе с преступностью. Л. В. Черепнин отмечает, что губные старосты утверждались Разбойным приказом и действовали под контролем центральной власти [11, с. 60].

- Земская реформа (1555–1556 гг.) упразднила систему кормлений и ввела выборные земские органы — земские избы во главе с земскими старостами. Они занимались сбором налогов, благоустройством, поддержанием порядка. По мнению В. И. Сергеевича, эта реформа усилила роль общины в управлении, но сохранила её зависимость от государства [7, с. 512].

Эти реформы укрепили местное самоуправление, но оставались под контролем центральной власти. Правовой основой стали губные и земские грамоты, а также Судебник 1550 года, развивавший нормы предшествующего законодательства [9, с. 23].

5. Смутное время и восстановление системы управления (начало XVII в.)

Смута (1598–1613 гг.) привела к ослаблению центральной власти и децентрализации. Мест-

ные общины и ополчения играли ключевую роль в восстановлении порядка. После избрания Михаила Романова началось постепенное восстановление приказно-воеводской системы.

Воеводы, назначаемые царём, сосредоточили в своих руках административную, военную и судебную власть на местах. Они контролировали сбор налогов, набор войска, исполнение указов. Земские избы сохранялись, но их полномочия были ограничены. С. Ф. Платонов подчёркивает, что этот период стал испытанием для местных институтов, но также показал их устойчивость [5, с. 402].

6. XVII век: укрепление приказно-воеводской системы

В XVII веке сложилась устойчивая система местного управления, сочетавшая:

- Воевод — царских наместников с широкими полномочиями.
- Приказы — центральные органы, курировавшие отдельные территории или отрасли (например, Сибирский приказ).
- Земские избы — выборные органы, отвечавшие за сбор налогов и хозяйственные дела.
- Церковные структуры — архиереи и монастыри, обладавшие значительными административными правами на своих землях.

Соборное уложение 1649 года закрепило эту систему, определив статус воевод, порядок их взаимодействия с местными органами, нормы налогообложения и судопроизводства [8]. Усиление централизации сопровождалось ограничением местного самоуправления, что отражало общую тенденцию к формированию абсолютизма. Н. И. Костомаров отмечает, что данная система обеспечивала стабильность, но снижала инициативу на местах [4, с. 701].

Система местного управления в допетровской России прошла сложный путь от вечевых институтов и княжеского правления до централизованной приказно-воеводской модели. Ключевые этапы её развития — формирование кормлений, губные и земские реформы XVI века, восстановление власти после Смуты. Правовая база эволюционировала от обычного права и местных грамот до общерусских судебных и Соборного уложения.

Список литературы:

- [1] Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. — М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1879. — 728 с.
- [2] Градовский А. Д. История местного управления в России. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — 492 с.
- [3] Ключевский В. О. Курс русской истории. — М.: Госполитиздат, 1956. — 943 с.
- [4] Костомаров Н. И. Русская история в жизни

неописаниях её главнейших деятелей. — М.: Книга, 1990. — 737 с.

[5] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — 470 с.

[6] Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1984.

[7] Сергеевич В. И. Древности русского права. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. — 688 с.

[8] Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. — М.: Юридическая литература, 1985.

[9] Судебник 1497 года // Памятники русского права. Вып. 3. — М.: Госюриздат, 1955. — 527 с.

[10] Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. — М.: Наука, 1973. — 422 с.

[11] Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 899 с.

[12] Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. — М.: Юрид. изд во, 1950. — 426 с.

References:

[1] Belyaev I. D. Lectures on the History of Russian Legislation. Moscow: A. I. Mamontov Publishing House, 1879, 728 p.

[2] Gradovsky A. D. History of Local Government in Russia. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House, 1899, 492 p.

[3] Klyuchevsky V. O. Course in Russian History. Moscow: Gospolitizdat, 1956, 943 p.

[4] Kostomarov N. I. Russian History in the Biographies of Its Main Figures. Moscow: Kniga, 1990, 737 p.

[5] Platonov S. F. Essays on the History of the Time of Troubles in the Muscovite State of the 16th–17th Centuries. Moscow: Monuments of Historical Thought, 1995, 470 p.

[6] Pskov Judicial Charter // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1984.

[7] V. I. Sergeevich. Antiquities of Russian Law. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1908. — 688 p.

[8] Cathedral Code of 1649 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 3. Moscow: Legal Literature, 1985.

[9] Code of Laws of 1497 // Monuments of Russian Law. Issue 3. Moscow: Gosyurizdat, 1955. — 527 p.

[10] M. N. Tikhomirov. The Russian State of the 15th–17th Centuries. Moscow: Nauka, 1973. — 422 p.

[11] Cherepnin L.V. Formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries. - M.: Sotsekgiz, 1960. - 899 p.

[12] Yushkov S.V. History of state and law of the USSR. Part 1. - M.: Legal. publishing house, 1950. — 426 p.

ЛАГУТКИНА Нина Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и массовых коммуникаций в спорте,
НГУ имени П.Ф. Лесгафта,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: nina_lagutkina@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности коррупционных преступлений в области физической культуры и спорта. В результате проведенного анализа установлено, что несмотря на увеличение количества зарегистрированных и раскрытых преступлений коррупционной направленности, преступления, предусмотренные статьей 184 УК РФ, остаются достаточно латентными. Автором предложено внести дополнения в данный состав преступления.

Ключевые слова: коррупционные составы преступлений, спорт, физическая культура, латентность, тренер, спортивные соревнования, договорные матчи, спортсмен, судья.

LAGUTKINA Nina Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Social Technologies
and Mass Communications in Sports,
Lesgaft National State University,
St. Petersburg

COUNTERING CORRUPTION IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Annotation. The article discusses the features of corruption crimes in the field of physical culture and sports. As a result of the analysis, it was found that despite the increase in the number of registered and solved corruption-related crimes, the crimes provided for in Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation remain quite latent. The author proposes to add amendments to this crime.

Key words: corruption crimes, sports, physical culture, latency, coach, sports competitions, fixed matches, athlete, judge.

Коррупция представляет серьезнейшую угрозу системе публичной власти в Российской Федерации, о чем неоднократно заявляли высшие руководители государства, практические сотрудники правоохранительных органов, ученые - специалисты в области уголовного права и криминологии.

Следует отметить, что в последнее время вопросам противодействия коррупции в нашей стране уделяется повышенное внимание. Политика в этой сфере приобретает черты системности. Наблюдается стремление политического руководства страны охватить все наиболее значимые сферы общественных отношений, подверженных коррупционным рискам. Прежде всего, это обусловлено тем, что деятельность коррумпированных государственных чиновников направлена на получение различного рода личных или узкокорпоративных благ, а не на обеспечение устойчивого и эффективного развития государства.

Подобное положение дел ведет к снижению эффективности права, противодействует интересам государства в различных сферах деятельности, а в ряде случаев создает непосредственную угрозу безопасности граждан и общества.

К сожалению, не обошла эта проблема и спорт, ведь спорт всегда был и остается одной из самых популярных и оживленных отраслей мировой культуры. Отбор атлетов, тренировки, соревнования и подвиги - все это делает спорт особенным и притягательным для миллионов людей. Коррупция и влияние денег на спорт стали серьезной проблемой, подрывающей его нравственные основы и создающей несправедливые условия для соревнований. Коррупция, в самом общем смысле, представляет собой злоупотребление доверием и использование власти или положения для личной выгоды. Коррупция в спорте может быть выражена в различных формах, включая подкуп судей, договорные схемы,

взяточничество, фальсификацию результатов и другие. Такие действия не только ставят под угрозу честность соревнований и результаты, но и разрушают дух спорта, создавая негативное впечатление у болельщиков и ослабляя доверие к институтам спорта [8].

Нормативно-правовая база противодействия коррупционным преступлениям в спорте достаточно обширна. В действующем национальном и зарубежном законодательстве, как и в отечественной юридической науке, отсутствует единый стройный подход к определению понятия «коррупция» и его квалифицирующих признаков. Одновременное жонглирование законодателем понятиями «коррупционное преступление», «коррупционное правонарушение», «коррупционный проступок», «правонарушение, создающее условие для коррупции», «преступления коррупционной направленности» не вносит ясность в вопросы юридической квалификации данного девиантного деяния и, более того, позволяет правоприменителю расширительно толковать действительный смысл и содержание данных понятий, что является незаконным и недопустимым в части применения принципа аналогии в «наказательном праве».

А.П. Алексеева представляет коррупционные проявления в спорте как совокупность нарушений закона, совершаемых лицами, являющимися профессиональными спортсменами и использующими данную деятельность в личных противоправных интересах. Проанализировав определения, можно сказать, что коррупционные действия тесно связаны со злоупотреблением властью, а его масштаб зависит от служебного положения или полномочий лица либо от размеров незаконного обогащения [2, с. 87].

Отсутствие единого категориально – понятийного аппарата не только влечет невозможность установления четких пределов его правового регулирования, в результате чего все усилия по противодействию коррупции в большей степени приобретают «лоскутный», а не системный характер, но и нарушает принцип согласованности с системой действующего правового регулирования и с принципом формальной определенности закона, предполагающим точность и ясность законодательных предписаний, выступающим в качестве необходимой гарантии обеспечения верховенства права. Обосновывается необходимость правового осмысления понятия «коррупция» [7, с. 15].

Под коррупцией, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», понимает злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имуще-

ственного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение вышеперечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица [5].

Статья 3 Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями, раскрывает понятие манипулирование спортивными соревнованиями – преднамеренные договоренности, действие или бездействие, направленные на изменение ненадлежащим образом результата или хода спортивного соревнования для полного или частичного устранения присутствующей указанному спортивному соревнованию непредсказуемости в целях обеспечения неправомерного преимущества для себя или других лиц. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (заключена в г. Маглингене, подписана Российской Федерацией 18.09.2014). В соответствии с Конвенцией Стороны должны обеспечить возможность уголовного преследования за манипулирование спортивными соревнованиями, если оно включает действия по принуждению, коррупции или мошенничеству, как они определены в их законодательствах, а также принятие законодательных и иных мер, направленных на установление в своих законодательствах в качестве уголовных преступлений отмывание доходов от преступной деятельности, связанной с манипулированием спортивными соревнованиями, и на привлечение юридических лиц к ответственности за правонарушения, предусмотренные в этой Конвенции (статьи 15–17). Конвенция содержит положения о сотрудничестве Сторон в целях расследования, судебного преследования и осуществления правосудия в отношении правонарушений, предусмотренных в ней, включая арест и конфискацию. Такое сотрудничество должно осуществляться в полном объеме в соответствии с применяемыми международными, региональными и двусторонними договорами о выдаче и взаимной помощи по уголовным делам и законодательством каждой из Сторон в отношении правонарушений, предусмотренных статьями 15–17 Конвенции (статья 26). Конвенция также предусматривает сотрудничество Сторон с международными спортивными организациями в борьбе с манипулированием спортивными соревнованиями.

Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей (заключена в г. Сан-Дени 03.07.2016, ратифицирована Федеральным законом от 26.07.2017 № 185-ФЗ и вступила в силу для Российской Федерации с 1 декабря 2017 г.). В соответствии с Конвенцией Стороны принимают меры, направленные на обеспечение безопасности, защиты и обслуживания на футбольных и других спортивных мероприятиях; предупре-

ждение и предотвращение риска неправомерных действий или неправомерного поведения.

В соответствии с Федеральным законом от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [10] одним из основных принципов законодательства о физической культуре и спорте является запрет на противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований (статья 3). Статья 26.2 раскрывает понятие противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования (манипулированием официальным спортивным соревнованием) под которым признается совершение в целях достижения, заранее определенных результата или исхода этого соревнования хотя бы одного из следующих деяний:

1) подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд, других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), принуждение или склонение указанных лиц к оказанию такого влияния или совершение этих действий по предварительному сговору с указанными лицами;

2) получение спортсменами, спортивными судьями, тренерами, руководителями спортивных команд, другими участниками или организаторами официального спортивного соревнования (в том числе их работниками) денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование указанными лицами услугами имущественного характера, извлечение ими других выгод и преимуществ или их предварительный сговор;

3) использование, распространение и (или) предоставление полученной физическим лицом инсайдерской информации в сфере физической культуры и спорта, доступ к которой возникает у него в связи с осуществлением им трудовой или иной деятельности (в том числе в качестве непосредственного участника официального спортивного соревнования или спонсора такого соревнования) на основании договора с организатором официального спортивного соревнования или с организацией, участвующей в подготовке и проведении соответствующего официального спортивного соревнования, либо в случае, если физическое лицо является учредителем такой организации.

Кроме того, в уголовном законодательстве России предусмотрена уголовная ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования и зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ). Согласно Перечню № 23 Приложения к Указанию Генпрокуратуры 6 России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 к преступлениям коррупционной направленности, без дополнительных условий, относятся деяния, предусмотренные следующими статьями 184 Уголовного кодекса Российской Федерации [9]. Тогда как, в период с 2022 по 2024 годы в России выявлено

и раскрыто всего лишь одно преступление, предусмотренное частью 3 статьи 184 УК РФ. Таким образом, можно констатировать, что данные преступления обладают высокой степенью латентности, тогда как общее количество выявленных и раскрытых преступлений коррупционной направленности неуклонно увеличивается. Подобные явления негативно сказываются не только на внутренней политике государства в сфере спорта, но и на имидже страны на международной арене. Одним из оснований уголовно-правового запрета оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований является признание обществом опасности такого рода преступлений. Коррупция в различных ее формах – это проблема, с которой спорт сталкивается в настоящее время, что отражается на доверии граждан, нарушается принцип защиты добросовестного поведения в спорте и спортивной этики, легализуются доходы, полученные преступным путем.

Основным объектом данного состава преступления являются общественные отношения, обеспечивающие регламентированный порядок проведения официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Потерпевшим от данного преступления, в случае совершения путем принуждения могут выступать: спортсмены, спортивные судьи, тренер, руководитель спортивной команды, другой участник или организатор официального спортивного соревнования, член жюри, участник или организатор зрелищного коммерческого конкурса. Вместе с тем, следует отметить, что рекламодатель или спонсор спортивного соревнования достаточно редко рассматривается в качестве потерпевшего по уголовному делу, хотя, безусловно, несет убытки от совершения «нечестного» спортивного соревнования в виде договорного матча. В связи с этим, представляется, необходимо внести дополнения в уголовное законодательство и прямо определить рекламодателя, спонсора спортивного соревнования в качестве участников охраняемых уголовных правоотношений и потерпевших.

Фундаментальной частью правового регулирования системы борьбы с коррупционными проявлениями является правовая основа противодействия коррупции. Все законы как основные, главенствующие нормативно-правовые акты очень тесно связаны и взаимодействуют с другими нормативно-правовыми актами [4, с. 133].

Общественная опасность преступлений, предусмотренных статьей 184 УК РФ, проявляется и в том, что действия виновных лиц идут вразрез с такими нравственными принципами спорта, как уважение соперника, бескомпромиссность борьбы, справедливость состязания, беспристрастность судейства и др.

Список литературы:

[1] Дазмаров Н.М., Макарьева А.А. Корруп-

ционные проявления в сфере спорта // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник», номер 9/2022. С. 71.

[2] Алексеева А.П. Коррупция в сфере спорта монография / М-во внутренних дел Российской Федерации, Волгоградская акад. - Волгоград : ВА МВД России, 2014. - 254 с.

[3] Краснова К.А. Причины и условия коррупции в сфере спорта // Глаголь правосудия. 2022. №1 (27). С. 12-16.

[4] Лагуткина Н.Б. Особенности формирования статистической отчетности о коррупционных преступлениях // Право и государство: теория и практика (Королево) № 10 (166). 2019 г. С. 133.

[5] Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

[6] Смирнов А.А., Кирьянова Л.А., Морозова Л.В., Кузнецов П.К., Федоров С.Л. Коррупция в спорте и меры ее предупреждения // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. №10 (164). С. 302-305.

[7] Спектор Е.И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. № 8. С.15

[8] Честная игра или коррупция? Влияние денег на испорченность спорта. // AnyQuestion. URL: <https://ru.anyquestion.info/a/chestnaya-igra-ili-korruptsiya-vliyaniedeneg-na-isporchennost-sporta> (дата обращения: 27.03.2026).

[9] Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (дата обращения: 27.03.2026).

[10] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 27.03.2026).

References:

[1] Dazmarov N.M., Makaryeva A.A. Corruption in the Sphere of Sports // Scientific Online Journal «Stolypin Bulletin», issue 9/2022. P. 71.

[2] Alekseeva A.P. Corruption in the Sphere of Sports: Monograph / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd Academy of Sciences. - Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. - 254 p.

[3] Krasnova K.A. Causes and Conditions of Corruption in the Sphere of Sports // Glagoliy Sustenance. 2022. No. 1 (27). P. 12-16.

[4] Lagutkina N.B. Features of the Formation of Statistical Reports on Corruption Crimes // Law and State: Theory and Practice (Korolevo) No. 10 (166). 2019. P. 133.

[5] Federal Law «On Combating Corruption» dated 25.12.2008 N 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2008. December 30.

[6] Smirnov A.A., Kiryanova L.A., Morozova L.V., Kuznetsov P.K., Fedorov S.L. Corruption in Sports and Measures to Prevent It // Scientific Notes of Lesgaft University. 2018. No. 10 (164). Pp. 302-305.

[7] Spektor E.I. Corruption Offenses: Problematic Issues of Legal Qualification // Journal of Russian Law. No. 8. P. 15

[8] Fair Play or Corruption? The Influence of Money on the Corruption of Sports. // AnyQuestion. URL: <https://ru.anyquestion.info/a/chestnaya-igra-ili-korruptsiya-vliyaniedeneg-na-isporchennost-sporta> (accessed: March 27, 2026).

[9] Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 462/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 of June 25, 2024 «On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (accessed: March 27, 2026).

[10] Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (date of access: 27.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-764X-2026-1-54-60

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.

БАБКИНА А.А.

преподаватель

Уральского государственного аграрного университета,

г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42,

e-mail: mail@law-books.ru

ШЕСТАКОВ С.Е.

студент зу-102,

Уральский государственный аграрный университет,

г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42,

e-mail: mail@law-books.ru

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ СПО

Аннотация. В современной системе среднего профессионального образования контроль учебных достижений приобретает всё более значимую роль. Тестирование — один из наиболее распространённых инструментов проверки знаний, позволяющий преподавателю объективно оценить уровень освоения математических дисциплин. Рассматриваются виды, функции и особенности применения тестирования на занятиях по математике в учреждениях СПО. Обосновывается целесообразность использования тестовых заданий как средства текущего и итогового контроля. Показана связь между грамотно выстроенной системой тестирования и качеством математической подготовки студентов. Отдельное внимание уделяется компьютерному тестированию и его преимуществам перед традиционными формами проверки знаний.

Ключевые слова: тестирование, контроль знаний, математика, СПО, студенты, учебный процесс, компьютерное тестирование.

BABKINA A.A.

teacher,

Ural State Agrarian University

SHESTAKOV S.E.

student zu-102,

Ural State Agrarian University

TESTING AS A FORM OF CONTROL IN MATHEMATICS CLASSES FOR STUDENTS OF VOCATIONAL SCHOOLS

Annotation. The article examines testing as a form of control in mathematics classes at secondary vocational education institutions. The types, functions, and features of testing in mathematics are analyzed. The effectiveness of test tasks as a means of current and final assessment is substantiated. Attention is paid to computer-based testing and its advantages over traditional forms of knowledge verification. The connection between a well-structured testing system and the quality of mathematical training of students is demonstrated.

Key words: testing, knowledge assessment, mathematics, secondary vocational education, students, educational process, computer testing.

Введение

Подготовка специалистов среднего звена в современных условиях требует не только качественного изложения учебного материала, но и грамотно выстроенной, последовательной системы его проверки. Математика занимает особое место среди дисциплин СПО: она формирует ло-

гическое мышление, умение работать с абстрактными понятиями, выстраивать причинно-следственные связи и применять теоретические знания при решении прикладных задач. Именно математическая подготовка во многом определяет успешность освоения студентами специальных технических и экономических дисциплин, поэ-

тому её качество напрямую влияет на итоговую компетентность выпускника.

Система среднего профессионального образования отличается рядом особенностей, которые необходимо учитывать при организации контроля. Контингент студентов СПО неоднороден по уровню базовой подготовки: нередко в одной учебной группе оказываются студенты с принципиально разным школьным математическим опытом. Одни уверенно владеют алгебраическим аппаратом, другие имеют существенные пробелы уже на уровне арифметики. В этих условиях традиционные формы контроля — устный опрос нескольких студентов у доски или эпизодическая проверка домашних заданий — не дают преподавателю полной и достоверной картины успеваемости группы. Возникает объективная потребность в инструменте, который позволял бы охватить всех студентов одновременно, оценить каждого индивидуально и получить результаты, пригодные для сравнительного анализа.

Тестирование как форма контроля занимает прочное место в образовательной практике именно потому, что отвечает этой потребности. Оно позволяет охватить одновременно всю учебную группу, обеспечить единые условия проверки и получить сопоставимые результаты по каждому студенту. Практическая подготовка на занятиях по математике в СПО предполагает чередование теоретических блоков и различных форм контроля, среди которых тестирование занимает значительную долю [6]. Его широкое распространение обусловлено не столько удобством для преподавателя, сколько дидактическими возможностями, которые тестовая форма открывает для организации обратной связи, диагностики и коррекции знаний.

Вопрос о месте тестирования в системе контроля знаний по математике активно обсуждается в отечественной педагогической литературе. Одни исследователи акцентируют внимание на его диагностическом потенциале и способности выявлять типичные ошибки в мышлении студентов. Другие указывают на риски формализации — когда тестирование превращается в самоцель и вытесняет более глубокие формы проверки знаний. Третьи рассматривают тестирование прежде всего как инструмент самоконтроля, позволяющий студенту самостоятельно отслеживать собственный прогресс и выявлять зоны, требующие дополнительной проработки [7]. Многообразие позиций свидетельствует о том, что данная тема далеко не исчерпана и продолжает оставаться предметом живой методической дискуссии.

Необходимо также отметить, что цифровизация образования существенно изменила технические возможности тестирования. Если ещё десять лет назад речь шла преимущественно о бумажных тестах с ручной проверкой, то сегодня широко доступны специализированные платформы, позволяющие проводить компьютерное

тестирование с автоматической обработкой результатов, формированием индивидуальных вариантов и ведением накопительной статистики по каждому студенту. Это открывает качественно новые возможности для организации контроля в математике и делает тестирование ещё более значимым элементом образовательного процесса в СПО.

Вопросы методики составления тестов, их классификации и применения сохраняют свою актуальность для преподавателей системы среднего профессионального образования. Особенно это касается математических дисциплин, где тестирование требует тщательного отбора типов заданий: задания с выбором ответа, на соответствие, с кратким и развёрнутым ответом выполняют разные дидактические функции и должны применяться в зависимости от цели конкретной контрольной процедуры. Именно методическая проработанность отличает тестирование как педагогический инструмент от простой формальной проверки присутствия студентов на занятии.

Методология исследования

В основу работы положен анализ отечественных публикаций, посвящённых тестированию как форме контроля в преподавании математических дисциплин в системе среднего профессионального образования. Использованы материалы научно-методических конференций и сборников 2023-2025 годов, отражающие актуальное состояние педагогической дискуссии по данному вопросу. Хронологические рамки отбора источников обусловлены стремлением опереться на наиболее современный опыт, накопленный в отечественной педагогике в период активного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

Применялись методы сравнительного анализа, классификации и обобщения педагогического опыта. Сравнительный анализ позволил сопоставить различные подходы к организации тестирования в математических дисциплинах, выявить общие закономерности и частные особенности, характерные для учреждений разного типа. Классификация использовалась для систематизации видов тестирования, типов тестовых заданий и их дидактических функций. Метод обобщения дал возможность свести разрозненные наблюдения отдельных авторов в единую картину, отражающую современное состояние практики тестирования в преподавании математики.

Особое внимание уделено работам, непосредственно касающимся опыта применения тестирования в СПО и смежных учебных заведениях. Привлечение материалов, связанных с преподаванием математики в военных и медицинских вузах, обусловлено тем, что данные учреждения демонстрируют высокий уровень методической проработанности контрольных процедур, а их опыт вполне применим в условиях СПО с

учётом специфики контингента обучающихся [4]. Аналогичным образом использованы работы, посвящённые тестированию в аграрных вузах, где математическая подготовка студентов по своему характеру близка к ситуации в учреждениях среднего профессионального образования [5].

Отбор источников осуществлялся по нескольким критериям: тематическое соответствие предмету исследования, наличие конкретных методических рекомендаций или результатов педагогических наблюдений, актуальность с точки зрения современных требований к организации контроля в математических дисциплинах. Источники, содержащие исключительно общетеоретические рассуждения без выхода на практику, намеренно не включались в основной корпус — предпочтение отдавалось работам, в которых теоретические положения подкреплены конкретным педагогическим опытом.

Изучение источников позволило сформировать целостное представление о роли тестирования в системе контроля знаний по математике, выявить его преимущества и ограничения, а также определить наиболее эффективные организационные формы его проведения в условиях СПО. Важно отметить, что все рассмотренные работы сходятся в одном принципиальном выводе: тестирование наиболее эффективно не как изолированный инструмент, а как элемент комплексной системы контроля, включающей различные формы проверки знаний и умений. Именно этот тезис составляет методологическую основу дальнейшего рассмотрения результатов и выводов.

Результаты и обсуждение

Тестирование как педагогический инструмент прошло длительный путь методического осмысления. Сегодня оно рассматривается не просто как способ проверки знаний, но и как средство организации учебного процесса, стимулирования самостоятельной работы и формирования у студентов навыков самоконтроля [7]. В преподавании математики данный подход особенно востребован: чёткая структура тестовых заданий хорошо соответствует логической природе математического знания, где каждый ответ либо верен, либо нет, а правильность решения поддаётся однозначной проверке.

Исследователи выделяют несколько ключевых функций тестирования в учебном процессе — диагностическую, обучающую, контролирующую и мотивационную. Диагностическая функция позволяет выявить исходный уровень подготовки студентов ещё до начала изучения новой темы и своевременно скорректировать образовательную траекторию. Обучающая реализуется тогда, когда составленные задания побуждают студента к самостоятельному поиску решения, а не к механическому воспроизведению заученного. Контролирующая функция обеспечивает си-

стемную обратную связь между преподавателем и обучающимися, а мотивационная — стимулирует к более глубокому и осознанному освоению материала [1].

Существенным достоинством тестирования является его стандартизованность. Все студенты группы выполняют задания в одинаковых условиях, по единым критериям оценивания, что исключает возможность предвзятости и делает результаты объективно сопоставимыми. В традиционных формах контроля — устном опросе или проверке письменных решений — преподаватель неизбежно вносит субъективный элемент: интонация студента, оформление работы, личные симпатии могут неосознанно влиять на выставляемую оценку. Тест лишён этого недостатка, особенно в его компьютерном варианте, где проверка полностью автоматизирована [3].

В системе СПО тестирование применяется как инструмент текущего, рубежного и итогового контроля. Текущее тестирование проводится регулярно — после каждой темы или блока — и позволяет своевременно выявлять пробелы, не дожидаясь накопления критического отставания. Рубежный контроль охватывает несколько тем и даёт возможность оценить качество усвоения раздела в целом, тогда как итоговое тестирование используется как полноценная альтернатива традиционному экзамену или зачёту [2]. Самоконтроль при этом формируется у студентов постепенно: многократное выполнение тестовых заданий вырабатывает умение самостоятельно оценивать правильность собственных действий и управлять темпом своей подготовки.

Немаловажен и вопрос типологии тестовых заданий. В математических дисциплинах закрытые задания с выбором одного верного ответа из нескольких предложенных хорошо подходят для проверки знания определений, формул и алгоритмов. Задания на установление соответствия эффективны при контроле умения сопоставлять понятия, свойства и примеры. Задания с кратким открытым ответом позволяют проверить умение производить вычисления, а задания с развёрнутым ответом — оценить понимание хода решения. Сочетание этих типов в рамках одного теста значительно повышает диагностическую точность контрольной процедуры [5].

Принципиально важным аспектом является также последовательность предъявления заданий внутри теста. В математике рекомендуется выстраивать задания по принципу нарастающей сложности: вначале идут задания на воспроизведение базовых фактов и алгоритмов, затем — на применение знаний в стандартных ситуациях, и наконец — задания, требующие нестандартного подхода или синтеза нескольких методов. Такая структура позволяет каждому студенту продемонстрировать хотя бы минимальный уровень компетентности, не теряя мотивации с первых же заданий, и одновременно даёт возможность

более сильным студентам полностью раскрыть свой потенциал. Игнорирование этого принципа приводит к тому, что слабые студенты деморализуются в самом начале работы, а результаты теста перестают отражать реальную картину знаний группы.

Отдельного рассмотрения требует структура тестового задания с точки зрения его дидактических требований. Качественное задание должно проверять конкретный, чётко выделенный элемент знания или умения, не допускать двоякого толкования формулировки и исключать возможность угадывания правильного ответа за счёт логического исключения заведомо неправдоподобных дистракторов. В математике особенно важно, чтобы неправильные варианты ответов соответствовали типичным ошибкам студентов — тогда тест выполняет не только контролирующую, но и диагностическую функцию, позволяя преподавателю видеть не просто факт ошибки, но и её характер. Систематический анализ ошибочных ответов по итогам тестирования даёт ценный материал для планирования последующих занятий и коррекционной работы.

Существенную роль в организации тестирования играет временной регламент. Длительность теста должна соответствовать реальным возможностям студентов: слишком короткое время создаёт стрессовую ситуацию и снижает достоверность результатов, слишком длинное — ведёт к потере концентрации и формальному угадыванию ответов в конце работы. Практика показывает, что для математического теста из 10-15 заданий смешанного типа оптимальным является отрезок в 20-30 минут, что позволяет органично вписать контрольную процедуру в структуру стандартного занятия, не жертвуя временем на изложение нового материала или разбор задач [3].

Особого внимания заслуживает компьютерное тестирование. Его применение на занятиях по математике существенно расширяет возможности преподавателя: автоматическая проверка ответов исключает субъективный фактор, а система генерации вариантов обеспечивает индивидуальную проверку для каждого студента [4]. Цифровой формат позволяет включать задания с графическими элементами — уравнениями, диаграммами, схемами, — что особенно важно именно для математических дисциплин. Помимо этого, статистика результатов, которую автоматически формирует система тестирования, даёт преподавателю объективную картину успеваемости группы и позволяет точно выстраивать работу по устранению типичных ошибок.

Наряду с очевидными преимуществами тестирование имеет и определённые ограничения, которые необходимо учитывать при его организации. Задания закрытого типа не позволяют в полной мере оценить ход рассуждений студента, его умение логически обосновывать каждый шаг решения — а именно это умение является ключевым в математике. Кроме того, существует риск натаскивания студентов на формальное распознавание правильного варианта без реального понимания математического содержания задачи. По этой причине преподаватели, работающие в СПО, как правило, сочетают тестовые задания с обязательным разбором решений на занятии, что превращает тест из сугубо контрольного инструмента в элемент учебного диалога [3]. Именно такое сочетание — контрольной и обучающей составляющих — делает тестирование по-настоящему эффективным в условиях среднего профессионального образования.

Для наглядного представления основных видов тестирования и их характеристик данные систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Виды тестирования на занятиях по математике в СПО.

Вид тестирования	Цель проведения	Временной охват
Входное	Выявление стартового уровня подготовки	Начало курса или темы
Текущее	Проверка усвоения отдельных тем	После каждого раздела
Рубежное	Оценка качества освоения блока тем	По итогам модуля
Итоговое	Контроль знаний по всему курсу	Конец семестра

Источник: составлено автором по данным [3].

Представленная в таблице 1 классификация отражает логику выстраивания целостной системы контроля: каждый вид тестирования выполняет свою функцию и не дублирует другие. Входное тестирование задаёт точку отсчёта в самом начале курса — оно позволяет преподавателю составить реальное представление об исходном уровне группы и при необходимости скорректировать темп и глубину изложения материала. Без

этого этапа любые последующие контрольные срезы лишаются сравнительной базы, и оценить реальный прирост знаний студента становится затруднительно.

Текущее тестирование выполняет роль постоянного мониторинга: проводимое после каждой темы, оно не даёт пробелам накапливаться и своевременно сигнализирует о том, какие разделы требуют повторного объяснения или

дополнительной практики. Именно регулярность текущего контроля отличает сильную методическую систему от той, в которой контроль носит эпизодический характер. Рубежное тестирование, в свою очередь, позволяет преподавателю убедиться в том, что студент удерживает знания не только по последней пройденной теме, но и в более широком тематическом контексте — что особенно важно в математике, где каждый новый раздел опирается на предыдущий.

Итоговое тестирование замыкает этот цикл, подводя окончательную черту под освоением дисциплины. В условиях СПО оно нередко совмещается с дифференцированным зачётом, что делает требования к его составлению особенно высокими: задания должны охватывать весь курс равномерно, проверять как теоретические

знания, так и практические умения, и при этом укладываться в разумные временные рамки. Комплексное использование всех четырёх видов, обозначенных в таблице 1, формирует полноценную систему обратной связи между преподавателем и студентами, что в условиях неоднородных по уровню подготовки учебных групп приобретает принципиальное значение.

Тестирование как форма контроля в обучении математике обладает рядом характеристик, выгодно отличающих его от других методов проверки знаний [5]. Однако наряду с достоинствами оно имеет и ограничения, которые необходимо учитывать при организации контрольных процедур. Для более наглядного представления в таблице 2 приведена сравнительная характеристика тестирования и традиционного письменного опроса.

Таблица 2. Сравнительная характеристика тестирования и письменного опроса.

Критерий	Тестирование	Письменный опрос
Охват учебной группы	Одновременно все студенты	Одновременно все студенты
Объективность оценки	Высокая	Зависит от проверяющего
Затраты времени на проверку	Минимальные	Значительные
Возможность угадать ответ	Присутствует	Отсутствует
Глубина проверки знаний	Ограниченная	Более высокая

Источник: составлено автором по данным [5].

Анализ данных, представленных в таблице 2, показывает, что тестирование и письменный опрос не являются взаимозаменяемыми формами контроля — каждая из них решает свои дидактические задачи и обладает собственным набором преимуществ. Тестирование значительно выигрывает в части объективности оценивания и затрат времени на проверку: преподавателю не требуется тратить время на разбор каждой работы вручную, особенно если используется компьютерная система тестирования. Это позволяет проводить контрольные срезы значительно чаще, не создавая избыточной нагрузки ни на преподавателя, ни на учебный процесс в целом.

Вместе с тем существенным недостатком тестирования остаётся ограниченная глубина проверки знаний. Математика — дисциплина, в которой принципиально важно не только знание ответа, но и понимание пути к нему: умение выстроить логическую цепочку рассуждений, обосновать каждый шаг решения и критически оценить полученный результат. Задания закрытого типа эти умения не выявляют, а в ряде случаев даже маскируют их отсутствие — студент может угадать верный ответ, не имея ни малейшего представления о методе решения. Именно поэтому грамотная система контроля предполагает включение в тест открытых заданий, требующих

записи хода решения, что позволяет преодолеть это ограничение и обеспечить содержательную глубину проверки [3].

Таким образом, оптимальной стратегией для преподавателя математики в СПО является не выбор между тестированием и другими формами контроля, а их осознанное сочетание. Тестирование берёт на себя функцию оперативного, регулярного и объективного мониторинга, тогда как письменные задания с развёрнутым решением и устные опросы дополняют картину там, где тест по своей природе не даёт достаточно информации. Такой подход превращает систему контроля из формальной процедуры в реально работающий механизм управления качеством математической подготовки студентов.

Заключение

Тестирование на занятиях по математике в СПО — это не вспомогательный инструмент, а полноценный элемент дидактической системы, при грамотном использовании повышающий как объективность оценки, так и качество усвоения материала. Регулярно проводимые тесты приучают студентов к систематической работе, развивают навыки самоконтроля и позволяют преподавателю своевременно реагировать на затруднения обучающихся. Компьютерное тестирование открывает дополнительные возможности — авто-

материализацию проверки, индивидуализацию заданий и накопление статистики успеваемости на протяжении всего учебного года.

Методически обоснованное применение тестирования предполагает последовательное использование всех его видов. Входное тестирование задаёт ориентир в начале курса и позволяет преподавателю выстроить реалистичный план работы с конкретной группой, не опираясь на усреднённые представления о стартовом уровне. Текущее и рубежное тестирование обеспечивают непрерывный мониторинг, благодаря которому ни один серьёзный пробел не остаётся незамеченным до итоговой аттестации. Итоговое тестирование закрепляет контрольную функцию по завершении дисциплины и даёт возможность объективно зафиксировать достигнутый уровень математической подготовки каждого студента.

Вместе с тем необходимо признать, что тестирование — при всех своих достоинствах — не является универсальным решением. Математика как дисциплина требует не только воспроизведения готовых алгоритмов, но и умения рассуждать, обосновывать, строить доказательства и работать с нестандартными задачами. Эти компетенции в полной мере не проверяются даже самым хорошо составленным тестом. Поэтому система контроля в математике должна быть многоуровневой: тестирование занимает в ней одно из ключевых мест, однако органично дополняется письменными работами с развёрнутым решением, устными опросами и разбором типичных ошибок непосредственно на занятии.

Отдельного внимания заслуживает вопрос качества составления тестовых заданий. Формальное использование тестирования — когда задания подбираются наспех, дистракторы не продуманы, а критерии оценивания размыты — не только не даёт педагогического эффекта, но и дискредитирует саму форму контроля в глазах студентов. Напротив, методически выверенный тест, в котором каждое задание проверяет конкретный элемент знания, неправильные варианты ответов соответствуют типичным ошибкам, а результаты анализируются и обсуждаются с группой, становится полноценным инструментом обучения, а не только оценивания.

Следовательно, эффективность тестирования в преподавании математики в СПО определяется не столько частотой его применения, сколько методической продуманностью каждой контрольной процедуры, её встроенностью в общую логику курса и готовностью преподавателя использовать полученные результаты как основу для дальнейшей работы. Только при соблюдении этих условий тестирование перестаёт быть формальностью и превращается в действенный механизм управления качеством математической подготовки студентов среднего профессионального образования.

Список литературы:

[1] Баньковская И. Н. Тестирование как форма контроля уровня подготовки студентов / И. Н. Баньковская // *Инновационные технологии в образовательной деятельности* : Материалы XXVII Международной научно-методической конференции, Нижний Новгород, 06 февраля 2025 года. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2025. — С. 399-402.

[2] Золотухина Е. С. Тестирование как форма текущего контроля и самоконтроля знаний студентов по дисциплине «Дискретная математика» / Е. С. Золотухина // *Новые горизонты* : XII научно-практическая конференция с международным участием : сборник материалов и докладов, Брянск, 15 апреля 2025 года. — Брянск: Брянский государственный технический университет, 2025. — С. 1058-1061.

[3] Калыш Т. В. Тестирование как форма контроля знаний студентов / Т. В. Калыш, С. Л. Смирнов, С. В. Бармин // *Образовательная деятельность вуза в современных условиях* : Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Караваево, 30 мая 2025 года. — Караваево: Костромская государственная сельскохозяйственная академия, 2025. — С. 26-30.

[4] Компьютерное тестирование как инструмент контроля знаний по физике и математике курсантов и студентов Военно-медицинской академии / Н. Г. Новикова, Р. С. Бареева, А. Д. Осирко, А. А. Юрченко // *Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова*, 2024. — С. 60-70.

[5] Мангушева Э. И. Тестирование как форма контроля в обучении математики / Э. И. Мангушева // *Проблемы развития малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве в условиях цифровой экономики* : Материалы II Международной научно-практической конференции, Казань, 23—24 мая 2024 года. — Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2024. — С. 293-298.

[6] Практическая подготовка на занятиях по математике в СПО / В. В. Хабарова, Н. С. Киреева, С. А. Яковлев, Д. Е. Молочников // Ульяновск: Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2024. — С. 241-243.

[7] Примичева З. Н. Тестирование как форма контроля и организации обучения студентов в процессе изучения математических дисциплин / З. Н. Примичева // *Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции* : Сборник научных трудов XIV Международной научной конференции, Брестский государственный технический университет, 02—03 июня 2023 года. — Брест: Брестский государственный технический университет, 2023. — С. 231-235.

References:

- [1] Bankovskaya I. N. Testing as a form of monitoring the level of students' preparation / I. N. Bankovskaya // Innovative technologies in educational activities: Proceedings of the XXVII International scientific and methodological conference, Nizhny Novgorod, February 6, 2025. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, 2025. - Pp. 399-402.
- [2] Zolotukhina E. S. Testing as a form of current monitoring and self-monitoring of students' knowledge in the discipline «Discrete Mathematics» / E. S. Zolotukhina // New horizons: 18th scientific and practical conference with international participation: collection of materials and reports, Bryansk, April 15, 2025. - Bryansk: Bryansk State Technical University, 2025. - Pp. 1058-1061.
- [3] Kalysh T. V. Testing as a form of monitoring students' knowledge / T. V. Kalysh, S. L. Smirnov, S. V. Barmin // Educational activities of the university in modern conditions: Collection of materials of the All-Russian scientific and methodological conference with international participation, Karavaevo, May 30, 2025. - Karavaevo: Kostroma State Agricultural Academy, 2025. - Pp. 26-30.
- [4] Computer testing as a tool for monitoring the knowledge of cadets and students of the Military Medical Academy in physics and mathematics / N. G. Novikova, R. S. Bareeva, A. D. Oskirko, A. A. Yurchenko // Military Medical Academy named after S. M. Kirov, 2024. - Pp. 60-70.
- [5] Mangusheva E. I. Testing as a form of control in teaching mathematics / E. I. Mangusheva // Problems of development of small and medium-sized businesses in agriculture in the context of the digital economy: Proceedings of the II International scientific and practical conference, Kazan, May 23-24, 2024. - Kazan: Kazan State Agrarian University, 2024. - Pp. 293-298.
- [6] Practical training in mathematics classes in secondary vocational education / V. V. Khabarova, N. S. Kireeva, S. A. Yakovlev, D. E. Molochnikov // Ulyanovsk: Ulyanovsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, 2024. - Pp. 241-243.
- [7] Primicheva Z. N. Testing as a form of control and organization of students' learning in the process of studying mathematical disciplines / Z. N. Primicheva // Systemic transformation of society: information technologies, innovations and traditions: Collection of scientific papers of the XIV International Scientific Conference, Brest State Technical University, June 2-3, 2023. - Brest: Brest State Technical University, 2023. - P. 231-235.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научном сетевом журнале «Московский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@mipo.online или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и

степени ее научной разработанности), указание на **цель и задачи** данной статьи, обозначение использованных методов, представление **результатов**, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей/

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

**МОСКОВСКИЙ
НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК**

№ 1

(ЯНВАРЬ-МАРТ)

2026 ГОД

Сдано в набор 14.05.2026. Подписано в печать 18.05.2026.

Формат 60x90/8. Печ. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 9.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.

г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.